

Брайан Олдисс

Перед закатом Земли (Мир-оранжерея)

Брайан Уилсон Олдисс

Перед закатом Земли (Мир-оранжерея)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154513
Оригинал: Brian Wilson Aldiss, "Hothouse", 1961
Перевод:
Олег Колесников

Аннотация

Роман известного английского писателя Брайана Олдиса – фантастическая сага о бесконечно далеком будущем Земли, блестящая антиутопия, выдержанная в духе фэнтези. Премия `Хьюго` за 1962 год.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Брайн ОЛДИСС

ПЕРЕД ЗАКАТОМ ЗЕМЛИ.

Перевод – ОК, 2001

Часть первая

Глава первая

Подчиняясь неизбежным законам, все росло, являя себя удивительным и необычайным в своем стремлении к росту.

Жара, солнечный свет, влажность – не менялись, оставаясь постоянными в течение... никем неведомого времени. Вопросы вроде «В течение какого времени?..» и «Почему?..» стали бессмысленными. Таким вопросам просто больше не было места. Разум отошел на второй план. Вперед выдвинулась проблема безостановочного роста, появления все новых и новых форм растений. Мир превратился в одну огромную оранжерею.

Дети играли в сочащихся сверху лучах зеленого света. Оглядываясь по сторонам в постоянном поиске врагов, они ловко передвигались по ветвям дерева, голосочками переключаясь друг с другом. Быстрорастущий ягодник-метелочник тянулся вверх, поблескивая своей липучей пурпурной ягодной массой. Дети знали, что ягодник-метелочник, достигший семенной поры, не представляет для них опасности. Без страха они пробежали мимо. Неподалеку от детской стайки зашевелился, пробуждаясь от сна и почуяв добычу, мох-жигун. Дети были близко, и растение приготовилось к атаке.

– Убьем его! – крикнула Той. Она была главной среди детей, предводительствовала над ними. Ей уже было десять – она пережила десять сезонов созревания фигового дерева. Все дети подчинялись ей, даже Грин. Выхватив из-за пояса палки, которые они носили с собой в подражание взрослым, дети набросились на мох-жигун. Оторвав ядовитое растение от ствола дерева, они принялись избивать его. По мере того, как беспомощный мох обращался в бесформенные лохмотья, в детях росло возбуждение.

Потеряв от восторга голову, Клат оступилась и упала лицом вниз. Ей было всего пять, она была самой младшей среди детей. Ее руки по кисти погрузились в ядовитую субстанцию мха. Громко вскрикнув, она откатилась вбок. Дети вокруг нее тоже закричали, но ни один из них не бросился в гущу мха-жигуна, чтобы спасти подружку.

Пытаясь вырваться, Клат снова пронзительно закричала от боли. Ее руки оперлись о круглый край, потом она скользнула вперед и сорвалась с ветви.

На глазах у остальных детей, Клат упала на широко раскинувшийся в стороны лист недалеко внизу, крепко вцепилась в него ручонками и дрожа замерла на покачивающемся и дрожащем зеленом покрывале. С мольбой она смотрела вверх на своих друзей, насмерть перепуганная и не смея позвать на помощь.

– Приведи Лили-Йо! – скомандовала Грину Той. Мгновенно повернувшись, тот бросился обратно, чтобы разыскать Лили-Йо. Через несколько мгновений на него с грозным злобным гудением спикировала тигромуха. Не останавливаясь, ловким и точным ударом кулака он отразил атаку насекомого, отбросив его в сторону. Грин, мальчик, девяти лет, в эти

трудные времена был редким даром судьбы, смелым, гордым, самостоятельным и находчивым. Он проворно добрался до обиталища женщины-вождя.

Под широкой ветвью дерева ютилось восемнадцать обитаемых орехов, пустотелых внутри и прикрепленных к ветви прочным цементным раствором, который добывался из сока укусного дерева. Здесь обитали восемнадцать членов крохотного людского племени, по одному на каждый орех – вождь, пять ее женщин, их мужчина и одиннадцать детей, которым удалось выжить.

Услышав крик Грина, Лили-Йо выскочила из своей хижины и мгновенно вскарабкалась по удобным ветвям лестницей, поднимающимся сразу позади ореха.

– Клат упала! – крикнул Лили-Йо Грин.

Прежде чем сорваться с места и броситься на помощь вслед за мальчиком, Лили-Йо сильно ударила своей палкой по суку рядом с собой.

По ее сигналу наружу выбрались все шестеро взрослых членов племени, женщины Фло, Дафи, Хай, Ивин и Джури, а также их мужчина, Харрис. Они появились из своих хижин, держа наготове оружие, готовые броситься в атаку или защищаться.

Лили-Йо бросилась бежать, на бегу испустив пронзительный высокий свист.

Моментально к ней из густой листвы выскользнул глупыш, опустился по воздуху к ее плечу. Глупыш, шерстистый зонтик, вращался в воздухе, направляя свое перемещение меняя положение расставленных по сторонам спиц. Растение ловко сравнило скорость своего полета с бегом Лили-Йо.

Вскоре, остановившись возле детей, Лили-Йо вместе с остальными взрослыми членами племени уже смотрела на лежащую внизу на просторном листе Клат, которая боялась шевельнуть рукой или ногой.

– Лежи тихо, Клат! – крикнула ей Лили-Йо. – Не двигайся! Я сейчас спущусь к тебе.

Преодолевая боль и страх, Клат и не думала двигаться с места и лишь с надеждой смотрела вверх в сторону своих спасителей.

Взобравшись на глупыша, Лили-Йо уселась верхом на его загнутое крючком основание и тихо свистнула. Единственная из всего племени, она полностью овладела искусством управления глупышами. Глупыши, полумозговые растения, были плодами чертополоха-свистуна. На концах их мохнатых спиц имелись коробочки с семенами; необычная форма семенных коробочек, превратившая их по сути дела в уши, позволяла глупышам с чуткостью реагировать на любой даже самый слабый ветерок, чтобы использовать его для возможного распространения. После долгих лет тренировок некоторым людям удавалось овладеть искусством управления глупышами, чьим грубым слухом возможно было пользоваться с целью отдачи им осмысленных приказов, как Лили-Йо теперь и поступила.

Глупыш опустил ее вниз для спасения беспомощного ребенка. Глядя на летящую к ней на помощь верхом на глупыше Лили-Йо, Клат осталась лежать неподвижно, уповая на то, что вождь спасет ее. Она все еще оставалась на месте, когда острые зубы начали прорезаться сквозь зеленую мякоть листа по сторонам от нее.

– Прыгай, Клат! – в отчаянии крикнула ей Лили-Йо.

Девочка успела только подняться на колени. Растение-хищник не обладало проворством людей. Но сразу же после этого зеленые челюсти сомкнулись у нее на талии.

Внизу, под листом, учуяв сквозь не слишком толстый слой зелени добычу, давно уже изготовился к атаке лови-хватай. Он представлял собой коробку квадратных челюстей, с парой суставов и огромным количеством острых и длинных зубов. Из одного угла его челюстной коробки рос стебель, весьма мускулистый и мощный, толщиной превышающий человеческое тело и с виду напоминающий шею. Схватив Клат, лови-хватай мгновенно начал загигаться вниз, унося свою жертву к своему настоящему рту, расположенному далеко

внизу, поблизости от незримой лесной Почвы, во тьме и теплоте непрекращающегося гниения.

Свистнув, Лили-Йо приказала глупышу поднять себя обратно на родную ветвь. Помочь Клат уже было невозможно. Таков был Путь.

Группа на ветви уже рассеялась. Стоять всем вместе означало навлекать на себя опасность, притягивая внимание бесчисленных врагов, скрывающихся в лесу повсюду. Кроме того, ничего любопытного гибель Клат не представляла, потому что эта смерть была не первая, что древесные люди повидали на своем веку.

Некогда племя Лили-Йо состояло из семи младших женщин и двух мужчин. Две женщины и один мужчина пали в зелень. За это время восемь женщин успели родить племени двадцать одного ребенка, из них пять мальчиков. Смертность среди детей тоже была очень высока. Учитывая погибшую только что Клат, половина детей пала в зелень. Чутьем Лили-Йо понимала, что такой урон был необычайно, пугающе большим и, как вождь племени, в первую очередь винила в этом себя. В ветвях таилось много опасностей, большинство из которых были известными, их можно было предупредить и против них можно было уберечься. Более всего она корила себя за то, что не смогла сохранить в полном числе потомство племени, среди которого на сегодняшний день только трое появившихся на свет мальчиков уцелело: Грин, Поас и Вэгги. Из троих мальчишек, и она точно это знала, от Грина следовало ожидать неприятностей.

Уже никуда не торопясь, Лили-Йо вернулась по ветвям к зеленому свету. Неподалеку от нее летел к месту своего всегдашнего обитания глупыш, прислушиваясь к говору леса, дожидаясь от него указаний, где находится место для наилучшего посева семян. Никогда доселе в этом мире не было такого столпотворения жизни. Вокруг не оставалось ни одного пустого пространства, где бы не гнездилась жизнь. Иной раз глупышам приходилось странствовать меж ветвями по много столетий, дожидаясь сигнала, тоскуя от едва ли понятного растениям одиночества.

Поднявшись к одному из орехов, Лили-Йо спустилась внутрь его по специально повешенной лиане. В этом орехе еще недавно обитала Клат. Вождь едва смогла пролезть внутрь, таким узким был лаз в жилище девочки. Люди старались, чтобы вход в их жилища оставался как можно более узким, расширяя его только по мере своего роста. Это был один из способов удерживать в стороне непрошенных гостей.

Внутри ореха Клат все было аккуратно прибрано. Из мягкой пробки была вырезана циновка, служившая пятилетней крохе постелью, на которой та спала, когда желание спать застигало ее посреди неизменного зеленого света лесного дня. В головах постели лежала душа Клат. Взяв душу Клат, Лили-Йо засунула ее себе за пояс.

Выбравшись по лиане наружу из обитаемого ореха, Лили-Йо, вытащив нож, принялась рубить то место, где кора дерева была срезана и орех крепился к живой древесине. После нескольких ударов ножом цемент подался и ослаб и бывшая хижина Клат, повиснув на мгновение на одной стороне, накренилась и полетела вниз в листву.

Как только обитаемый орех исчез из виду, на месте его падения среди огромных листьев что-то быстро зашуршало, кто-то с кем-то принялся драться или что-то делить. Невидимые существа сражались за право первым отведать огромного ореха.

Лили-Йо взобралась обратно на ветвь. На несколько мгновений она там задержалась, чтобы отдышаться. С некоторых пор она стала замечать, что для того, чтобы восстановить дыхание и силы, ей требуется больше времени, чем когда-то. Слишком много охот осталось у нее за плечами, слишком много детей она произвела на свет, в слишком многих боях приняла участие. Ощувив столь редкое для себя быстротечное чувство отчужденности и отстраненности, она опустила взгляд на свои обнаженные зеленые груди. Сегодня ее груди выглядели

гораздо менее налитыми, чем бывало в те времена, когда она впервые взглянула на мужчину, Харриса. Форма груди стала не такой красивой и висели они ниже.

Инстинктивно она понимала, что ее юность прошла. Инстинктивно она понимала, что настало время, когда ей пора самой подниматься к Вершинам на Небеса.

Племя собралось возле Ямы и явно дожидалось ее. Она бодро подбежала к ним, внешне такая же живая и энергичная, как и всегда, внутренне мертвая и пустая. Яма была подобна перевернутой локтевой впадине, образовавшейся там, где ветвь соединялась со стволом. В Яме собирался запас воды, которой жило племя.

Стоя возле Ямы, племя следило за тем, как вверх по стволу поднимается вереница термитов. То один, то другой термит, поворачиваясь к людям, приветствовал их взмахом конечности. Люди махали насекомым в ответ. Настолько, насколько было вообще применимо к термитам понятие «союзники», эти насекомые были союзниками людей. В этом вечнозеленом круговороте жизни из животных выжило только пять семейств: тигромухи, древесные пчелы, плантаторщики и термиты – все они были общественные насекомые, представляющие собой мощную силу и неуязвимые для врагов. Пятым семейством были люди, низкорослые и легкоуязвимые, не настолько организованные, как насекомые, но до сих пор не истребленные окончательно, последняя разновидность высших животных, еще влащающая свое существование в этом почти целиком растительном мире.

Добравшись до людей своего племени, Лили-Йо поднялась на возвышенность. Она тоже, как и остальные люди, подняла глаза, чтобы взглянуть на цепочку термитов, один за другим исчезающих среди переплетений зелени и листьев. Термиты способны были жить на любом уровне леса, от Почвы до самых Вершин; они были первыми и последними среди насекомого мира; пока вокруг теплилась хоть какая-то жизнь, термиты и тигромухи тоже существовали.

Опустив глаза, Лили-Йо воззвала к своему племени.

Как только взгляды всех оказались устремленными на нее, Лили-Йо, достав из-за пояса душу Клат, подняла ее высоко над головой, так, чтобы всем было видно.

– Клат пала в зелень, – объявила она. – Ее душа должна подняться к Вершинам, так велит обычай. Фло и я отнесем к Вершинам душу Клат и отправимся туда прямо сейчас, куда мы еще можем идти вместе с термитами. Дафи, Хай, Ивин и Джури, вы останетесь и будете охранять Харриса и детей пока мы не вернемся.

Названные женщины мрачно кивнули. Затем, одна за другой, подошли, чтобы прикоснуться к душе Клат.

Душа была грубо вырезана из дерева и формой напоминала тело женщины. Как только ребенок появлялся на свет, его родители по обычаю вырезали из дерева его душу, куклу, тотемный знак – ибо в лесу, после того как волею судьбы кому-то суждено было пасть в зелень, от него не оставалось практически ничего, даже костей, с тем чтобы похоронить или оплакать. От человека оставалась душа, которую поднимали к Вершинам, чтобы там отпустить ее к небесам. После того как все племя попрощалось с душой Клат, Грин незаметно отделился от стоящих возле Ямы. Почти такой же взрослый как Той, он не уступал девчоковожаку детей в ловкости и силе. Он был быстр в беге, что не так давно сумел доказать. Кроме того, он обладал искусством плавания. Более того, всегда и во всем он испытывал неугасимое желание жить по своей воле. Не обращая внимания на предостерегающий крик своего приятеля Вэгги, Грин взобрался на край Ямы и нырнул в воду.

Очутившись под водой, он открыл глаза и обнаружил вокруг себя новый поразительный мир изумительной чистоты. Несколько зеленых существ, похожих на листья кувшинок, выглянули при его приближении из складок древесного ствола, норовя схватить пловца за руки и ноги. Взмахнув руками и толкнувшись ногами, Грин легко избежал встречи с лист-

венными хищниками и опустился глубже. Сразу же вслед за этим он увидел перед собой кувшинку-пиявку – раньше, чем та заметила его.

Подводный обитатель, кувшинка-пиявка была растением, ведущим полупаразитический образ жизни. Обитая в выемках дерева, напоминающая по форме носок кувшинка запустила в древесину свои длинные зубчатые корни, с тем чтобы питаться его живыми соками. При этом верхняя часть растения, огрубевшая и вытянутая в форме языка, тоже, в свою очередь, обладала способностью добывать и усваивать пищу. Мгновенно развернувшись, «язык» кувшинки обернулся вокруг запястья ныряльщика, при этом волокна «языка» отвердели и намертво схватили свою жертву.

Грин был готов к подобной атаке. Одним точным ударом ножа, он рассек «язык» кувшинки надвое, оставив нижнюю часть бессильно извиваться в попытках дотянуться до ускользающей жертвы, торопливо поднимающейся к свету.

Прежде, чем он достиг поверхности, рядом с ним появилась опытная охотница Дафи, обратив к нему разгневанное лицо, выпуская меж зубов в воду серебристые пузыри ругани. В руке она сжимала нож, готовая броситься на защиту Грина.

Широко улыбнувшись женщине, мальчик выскочил на поверхность и ловко выбрался на сухой берег. Сразу вслед за ним из воды появилось Дафи и резво, по-звериному, отряхнулась.

– Никто не должен лазить по ветвям или плавать в одиночку, – бросила ему в спину Дафи, повторяя один из известных законов. – Разве у тебя, Грин, нет страха? Или в голове у тебя одна труха?

Остальные женщины тоже были рассержены. Но ни одна из них не позволила себе прикоснуться к Грину. Он, ребенок мужского пола, был табу. В его руках имела волшебная сила вырезать из дерева души и делать женщинам детей – по крайней мере подобная способность должна была у него появиться, как только он окончательно повзрослеет, ждать чего осталось уже недолго.

– Я, Грин, будущий мужчина! – насмешливо крикнул он им в ответ, ударив себя кулаком в грудь. Разыскав глазами Харриса, он ожидал от него одобрительной реакции. Но Харрис отвел от него глаза. Теперь, после того как Грин повзрослел, бывшая близость между ним и Харрисом ушла, может быть потому, что выходки мальчика с недавних пор становились все решительней и отчаянней, выдавая в нем смелость и силу характера.

Почувствовав легкое разочарование, чтобы скрыть свои чувства, Грин запрыгал кругом, размахивая «языком» подводной кувшинки, все еще висящим на его руке. Прыгая, он кричал и насмехался над женщинами, чтобы показать, как мало значит для него их мнение.

– Ты еще ребенок, – шикнула на него Той.

Ей было уже десять и она была старше Грина на целый год. Грин притих. Когда-нибудь, очень скоро, обязательно придет время, и он докажет, что не такой как все, а особенный человек.

Нахмурившись, Лили-Йо проговорила:

– С детьми уже не сладить, они повзрослели. После того, как я и Фло побываем на Вершинах и похороним душу Клат, мы вернемся и разделим наше племя. Пришло время половинам нашего племени идти каждой своим путем. Берегите себя!

Отсалютовав остающимся, она повернулась и в сопровождении Фло принялась взбираться вверх по стволу.

Племя молча наблюдало за тем, как их вождь поднимается вверх по стволу дерева. Для всех давно уже было понятно, что время разделиться настало; но до сих пор никто не думал об этом всерьез. Их время счастливой и безопасной жизни – по крайней мере так они вспоминали это время теперь – прошло, и по всей вероятности, возврата этому времени не будет. Детям придется остаться одним и заботиться о себе самостоятельно, что было нелегко. До

тех пор, пока их жизнь не наладится, им придется защищать себя самим. Быть может, им удастся найти другое племя и присоединиться к нему. В свою очередь взрослые тоже обрекали себя на тяжкие испытания и возможно на смерть, которая ожидала их среди неизвестности Вершин.

Глава вторая

Взбираться по грубой коре дерева для Лили-Йо и Фло не составляло особого труда. С их точки зрения подобное передвижение напоминало ходьбу по более или менее равномерно распределенным по поверхности земли кочкам. Время от времени, довольно часто, на их пути попадались растения-враги, острошип, например, или хватун-ковер, исходящая от которых опасность была мизерной, потому что заметить их среди зелени над головой и избежать с ними встречи не составляло особого труда. Их враги были также и врагами термитов, движущаяся впереди колонна которых успевала расправиться с любыми неприятностями, если те попадались у нее на пути. Радуюсь в душе такой возможности, Лили-Йо и Фло взбирались по стволу, держась почти вплотную к термитам.

Их подъем длился уже довольно долго. Один раз они присели на ветвь отдохнуть, поймали двух зазевавшихся жужелиц, разделили их ножами и подкрепили силы их белым маслянистым мясом. По пути к Вершинам, несколько раз Лили-Йо и Фло замечали быстро промелькнувших между ветвями незнакомых людей из других племен, иногда эти люди приветствовали их коротким взмахом руки, а иногда нарочно не обращали внимания. Постепенно люди исчезли, потому что вблизи Вершин человек не жил.

Вблизи Вершин появилась новая опасность. Племя Лили-Йо обитало в средней части леса, избегая ужасов, обитающих как на Вершинах, так и на Почве.

– Пора идти дальше, – сказала Лили-Йо Фло, поднимаясь, после того как они отдохнули. – До Вершин уже недалеко.

Внезапный шум заставил вождя замолчать. Прижавшись к стволу дерева в поисках защиты, они взглянули вверх. Над их головами в шелесте листьев шевелилась смерть.

Ползун-прыгун метался вокруг изломанного трещинами ствола дерева, раз за разом нападая на колону термитов. Обвинившись вокруг ствола, хищное растение метало свой липкий язык в термитов. В противостоянии с этим ловким и проворным врагом, крупным и отлично снаряженным, термиты были практически беспомощны. Рассыпавшись по стволу, они отчаянно продолжали подъем, карабкаясь к своей цели, доверив свои жизни произволу судьбы.

Что касается людей, то для них ползун-прыгун представлял меньшую угрозу, по крайней мере при встрече с ним среди ветвей. Столкнуться же с липким языком-стеблем на голом стволе означало неизбежно погибнуть и пасть в зелень.

– Поднимемся по другому стволу, – прошептала Лили-Йо.

Ловко балансируя, Лили-Йо и Фло побежали вдоль ветви, довольно скоро столкнувшись хотя и с меньшей, но тоже серьезной угрозой в виде цветка-паразита, вокруг которого гудели древесные пчелы – предвестники яркого цветного мира, ожидающего наверху. Они умело избежали встречи с цветком.

Более серьезная опасность таилась в совершенно невинном на первый взгляд дупле в ветви дерева. При приближении Лили-Йо, из дупла навстречу им вылетела тигромуха. Размёрами муха не уступала людям и к несчастью обладала как разящим оружием, так и разумом, а кроме того – неукротимой злобой. С гудением муха устремилась в атаку, выпучив свои фасетчатые глаза, хищно работая челюстями и мощно разгоняя воздух полупрозрачными крыльями. Голова мухи представляла собой покрытый острой щетиной бронированный шар, крепящийся посредством изящной талии к веретенообразному телу, раскрашенному чередующимися желтыми и черными полосами, в конце которого скрывалось острейшее смертоносное жало.

Устремившись в промежуток между женщинами, муха вознамерилась сбить их с ветви ударами своих крыльев. Когда до насекомого оставались считанные метры, Лили-Йо и Фло

проворно кинулись вниз и крепко прижались к ветви. Со злобным воем муха пронеслась над ними, но быстро развернувшись, устремилась обратно; темно-золотое жало насекомого яростно подрагивало и сновало туда и обратно.

– Я разберусь с ней! – крикнула Фло. Тигромуха убила одного из ее детей.

На этот раз муха летела гораздо ниже, целясь в ноги. Увернувшись, Фло быстро схватила муху за выступающую щетину, резко развернув ее в воздухе и лишив равновесия. Нож Фло взлетел словно молния. Одним сильным и точным ударом она перерубила тонкую талию мухи, соединяющую ее голову и брюшко.

Две половинки тигромухи полетели вниз, в зелень. Женщины поспешили дальше вверх.

Главная ветвь на своем протяжении не становилась тоньше. Вместо того, на некотором расстоянии от одного ствола она упиралась в соседний ствол и срасталась с ним. Дерево, старейший долгожитель посреди этого растительного мира, представляло собой хитросплетение миллионов стволов. Когда-то давным-давно – две тысячи миллионов лет назад – деревья росли повсюду во множестве разновидностей, определяющихся климатом, почвой и многими другими факторами и условиями. По мере того как поднималась температура, деревья все более процветали, в то же время вступая в жестокую конкурентную борьбу друг с другом. В конце концов именно баньян, чудесно разросшийся в тепле и использующий собственную систему самоукореняющихся стволов, постепенно захватил лидерство над всеми остальными разновидностями растительного мира. Другие же растения, оказавшись под накрывшей все сенью баньяна, были вынуждены либо исчезнуть полностью, либо эволюционировать и адаптироваться, совершенно изменив свой вид. Баньян же распространялся с неукротимой силой, иной раз возвращаясь назад и сплетаясь и срастаясь с самим собой для пущей жизнестойкости. С течением времени баньян отвоевывал все новые высоты над планетой, поднимаясь в росте и захватывая все новые и новые территории, защищая свои родительские стволы, по мере того как враги становились все злее и изощреннее, пуская в Почву новые корни, оплетая пространство сетью новых ветвей, постепенно научившихся срастаться друг с другом, после чего завеса над Почвой стала такой густой, что туда уже не проникал ни единый солнечный луч, что означало неизбежную гибель всех других растений. С этого момента власть баньяна стала бесспорной, его могущество непоколебимым, срок его жизни – неограниченным.

На том континенте, где обитали древесные люди, сегодня росло только одно дерево баньян. Баньян стал сначала Царем Леса, а затем и самим Лесом. Он покориł горы и пустыни, болота и равнины. Весь материк оказался под властью предрержащей крышей его сетчатого тела. Только самые широкие реки и близость океанского побережья, где властвовала смертоносная морская трава, заставляли баньян отступить, но совсем ненадолго.

Другой неприступной преградой был терминатор, где заканчивался день и наступала ночь. Там баньян тоже оказывался бессилён.

Женщины продолжали подъем, внимательно прислушиваясь к злобному жужжанию тигромух, снующих в этой области дерева в особенном изобилии. Со всех сторон вокруг них теперь пестрели бутоны ярких цветков, растущие из дерева, укрепившиеся на лианах или свободно парящие в воздухе. Здесь процветали лианы, мхи и лишайники. Тут и там можно было заметить глупышей, бесцельно проталкивающих сквозь переплетения лиан. По мере приближения к Вершинам воздух становился свежее, цвета вокруг – ярче, прибавлялось лазури и пурпура, канареечно-желтого и лилового, всех волшебных красок и чудес, которыми была богата природа.

С длинного языка липун-губы на ствол стекал сладкий и густой клейкий алый сок. Несколько острошипов с растительной глупостью погрузили свои ползучие корни в пита-

тельный сок и сейчас растворялись в нем и погибали. Лили-Йо и Фло благоразумно обогнули ствол и продолжили подъем по его другой стороне.

Там их встретила нож-трава. Выхватив свои ножи, они отразили атаку и продолжили подъем.

Здесь, в океане света и свежего воздуха обитало множество совершенно фантастических форм растений, некоторые в облике птиц, некоторые бабочек. Из гущи зелени то и дело стремительно появлялись ловкие руки и языки, выхватывая лакомых летунов прямо из воздуха.

– Смотри! – прошептала Лили-Йо и указала вверх.

Перед ними на стволе дерева виднелась едва различимая трещина. Едва различимая, но все-таки живая и движущаяся. Вытянув вперед руку, Фло осторожно продвинулась вперед, пока край палки не повис прямо над живой трещиной. После чего она опустила палку и дотронулась до странного места.

Моментально часть ствола раздвинулась шире, распахнув белесый смертоносный зев. Устричный рот, мастер маскировки, устроил для себя укрытие в выемке ствола. Сильно размахнувшись, Фло воткнула свою палку в самую середину рта. Как только челюсти сомкнулись, она сильно дернула палку на себя. Лили-Йо поддержала подругу. Устричный рот, не подготовленный к такому обороту событий, не удержался и был вырван из своего укрытия.

Разжав челюсти, хищник полетел вниз в зелень. Не успел устричный рот исчезнуть из виду, как птицелист ловко подхватил его на лету.

Лили-Йо и Фло двинулись дальше.

Вершины были странным ослепительным миром в себе, растительным царством, самым экзотическим и властным.

Если баньян правил Лесом, сам *был* Лесом, то правителями Вершин были странники. Они определяли собой типичный для Вершин ландшафт. Бескрайние сплетенные странниками сети тянулись над лесом во все стороны, гнезда-логова странников имелись тут и там среди макушек деревьев Вершин.

После того как странники покидали свои гнезда, в их гнездах поселялись другие создания, разрастались другие растения, яркие, хищные и ядовитые, пестрея разноцветными красками на фоне неба. Остатки пищи и отходы жизнедеятельности слезивались на дне гнезда в твердое дно, ровную платформу. Именно в таком месте росло дерево огнелинз, к которому Лили-Йо несла душу Клат.

Отталкиваясь ногами и подтягиваясь вверх, женщины наконец поднялись на дно одной из платформ. Разыскав себе укрытие от небесных врагов под одним из просторных листьев, они отдохнули от трудного подъема. Даже в тени листа, даже для них, привычных к условиям леса, жара Вершин была едва переносимой. Над их головами, замерев в самом центре великих небес, ослепительно полыхало огромное и великолепное солнце. Солнце светило безо всякого перерыва, неподвижно повиснув в одной точке, выбранной раз и навсегда, дожидаясь того последнего дня – теперь уже отнюдь не невозможно далекого – когда сила его жара иссякнет совсем.

Здесь на Вершинах, избрав для себя солнце в качестве удивительного способа защиты, рос огнелинз, сделавшийся правителем среди остальных неподвижных деревьев. О приближении посторонних чувствительные корни огнелинза предупреждали хозяина загодя. Лили-Йо и Фло увидели, как в листе над их головами движутся пятна света; пятна света скользили по дну гнезда, замирая, нащупывая, сокращаясь. Потом один из листьев съежился и обуглился, его внезапно охватило пламя. Фокусируя на чужаках свои линзы, огнелинз боролся с врагами при помощи самого страшного оружия – огня.

– Бежим! – скомандовала Лили-Йо и они прыгнули на проплывающего мимо глупыша, который понес их выше, петляя между шипами, все время не выпуская из виду линзы огненного растения.

Зрелище было воистину потрясающим.

Над ними в воздухе парило растение, покрытое, может быть, полудюжиной светло-вишневых цветков, каждый размером не меньше человека. Другие цветы, уже опыленные, смыкались друг с другом, образуя правильные линзы. Далее были видны более поздние стадии созревания, на которых линзы постепенно обесцвечивались, по мере того как на их дне готовились к плодоношению семена. В конце концов, после того как семена созревали, линзы соцветий – теперь пустые и очень прочные – становились прозрачными словно стекло и превращались в самое могущественное тепловое оружие огнелинза, которым тот пользовался после того как семена рассеивались.

Все до единого растения и прочие существа боялись огня и бежали от него – исключая людей. Только люди знали, как управиться с огнелинзой и использовать его себе на пользу.

Передвигаясь с крайней осторожностью, Лили-Йо прокралась вперед и срезала своим ножом широкий лист, растущий над платформой, на которой стояли они с Фло. Лист был огромен и высотой превышал ее рост. Прижав к себе лист и защитив им себя словно щитом, Лили-Йо бросилась бежать прямо к огнелинзе, прямо сквозь листву и мелкие ветви и испепеляющие лучи света, все ближе и ближе к Вершинам, без остановки, прежде чем огнелинз успевал повернуть в ее сторону и сфокусировать на ней свои мечущие жар линзы.

– Давай! – крикнула она Фло.

Фло уже бежала, петляя между ветвями, стремительно приближаясь к своему вождю.

Вскинув свой лист над огнелинзой, Лили-Йо расположила его так, чтобы он оказался между солнцем и деревом, чтобы на линзы дерева упала тень. Словно бы уразумев, что пытаться защищаться дальше бесполезно, огнелинз поник ветвями, явив собой картину растительного отчаяния цветов и обвисших к низу бесполезных линз.

С одобрительным рычанием Фло бросилась вперед и быстро отсекла одну из прозрачных линз. Обратно в укрытие под кустом чертополоха свистуна они несли линзу вдвоем. Как только лист отклонился и солнце упало на место произрастания огнелинза, растение снова вернулось к своему яростному существованию и вскинуло свои линзы, рассылающие сфокусированные и сконцентрированные солнечные лучи во все стороны.

Женщины добрались до укрытия как раз вовремя. Птицелист спикировал на них с неба – и вместо того, чтобы схватить добычу, налетел на шип.

Через несколько секунд целая свора стервятников уже дралась за его тело. Под прикрытием суматохи, Лили-Йо и Фло занялись линзой, которую им удалось добыть. С помощью ножей, напрягая все свои силы, они приоткрыли створки линзы, настолько, чтобы просунуть туда и уместить душу Клат. Как только лезвия ножей были убраны, створки линзы мгновенно сомкнулись, очень плотно на мощных суставах. Деревянная куколка души устала в них сквозь прозрачные стенки линзы.

– Отправляйся на Самый Верх и упокойся на Небесах, – напутствовала душу Лили-Йо.

Ее обязанностью было устроить так, чтобы душа хотя бы ступила на указанную тропу ведущую к Небесам. С помощью Фло она отнесла линзу к одному из толстых тросов странников. В верхней части линзы, там где она крепилась к стеблю огнелинза, там где когда-то собирались в комок семена, имелось большое количество липкой субстанции, загустевшего сока, невероятно клейкого. Линза мгновенно приклеилась к толстой нити странников и повисла в таком положении, поблескивая на солнце. В следующий раз, когда странник станет подниматься по нити, линза скорее всего приклеится к одной из его огромных лап. После этого дорога на Небеса душе Клат будет открыта.

Не успели они завершить свою работу, как на них упала тень. Сверху опускалось невероятных размеров тело. Странник, этот гигантский растительный эквивалент паука, опускался с неба к Вершинам.

Поспешно они вернулись обратно, пересекли платформу и скрылись под лиственной крышей. Последняя дань памяти Клат была отдана; настала пора им вернуться к своему племени.

Но прежде чем начать путь назад, к срединным слоям зелени, Лили-Йо еще один раз обернулась, взглянув через плечо.

Странник медленно опускался вниз, огромный мешок с лапами и челюстями, по большей части весь покрытый фибровым волосом. Для Лили-Йо странник был подобен богу, обладающему безграничной силой и могуществом. Влекомое собственной загадочной целью, существо возвращалось к Вершинам, нисходя по своей нити, тянущейся в невообразимые выси и теряющиеся где-то в неведомых Небесах.

Оглянувшись по сторонам, над джунглями Вершин можно было разглядеть и другие нити, скорее сходные с толстыми канатами, некоторые ближе, другие дальше. Все без исключения нити уходили вверх, напоминая собой словно бы указывающие вверх в Небеса тонкие персты. Там, где на нити падали солнечные лучи, они сверкали и горели. Приглядевшись, можно было различить, что все нити имели своей конечной точкой нечто общее наверху. В том же направлении в Небесах висела половина туманного серебристого шара, далекого и прохладного, но видимого даже при ярком солнечном свете.

Неподвижная и неизменная, доля Луны всегда и на все времена оставался висеть в своей половине небосвода.

С прошествием неисчислимых веков сила притяжения Луны постепенно замедлила осевое вращение родительской планеты, остановив ее совершенно, в результате чего понятие смены дня и ночи исчезло, день и ночь стали неизменными, причем тому и другому оказались отданными на откуп по половине планеты. В то же самое время ответный тормозящий эффект оказал свое влияние и на собственный полет Луны. Отдалившись от Земли, отказавшись от своей роли восходящего и заходящего спутника, Луна навсегда застыла в точке тройственного равновесия, обратившись в самостоятельную планету и замерев в одной из вершин гигантского космического треугольника, две другие вершины которого занимали Земля и Солнце. Сегодня, в этот полдень вечности, Луна и Земля, застыли друг против друга, глядя одна на другую все время одним и тем же ликом. Так им предстоит провисеть еще не одну малую вечность, до тех пор, пока песок времени не иссякнет вовсе и Солнце не остынет навсегда.

После того как два противоположных мира наконец замерли, меж ними протянулись множественные нити странников, связав одну и другую планету. С некоторых пор странники, эти растительные астронавты, огромные и совершенно бесчувственные, могли легко перелетать с одной планетарной поверхности на другую, соединенных теперь безучастной и безразличной ко всему сетью паутинных нитей.

Так, с неожиданной легкостью, старушка Земля оказалась пойманной в липкие сети паутины.

Глава третья

Возвращение обратно к племени было мало чем примечательно. Лили-Йо и Фло продвигались не торопясь, спокойно, видя перед собой привычные заросли срединных слоев зелени гигантского древа. Предчувствуя то неизбежное, что теперь должно было случиться, а именно неотвратимый раздел племени, Лили-Йо не торопила, как обычно, свою спутницу.

Она не могла выразить изводящие ее мысли. В этой зеленой бесконечности места для мыслей было отведено мало и еще меньше места оставалось для слов.

– Скоро мы поднимемся к Вершинам, как душа Клат, – сказала она Фло, спускающейся вслед за ней.

– Таков Путь, – отозвалась Фло, и Лили-Йо знала, что в ответ она никогда не услышит ничего иного. Ибо и сама она не знала других, более точных слов; человеческое восприятие и проницательность в эти дни не блистали остротой. Таков был Путь.

Их возвращение было отмечено негромкими криками приветствия от членов племени. Усталая Лили-Йо ответствовала так же коротко и тихо и сразу же удалилась в свое жилище-орех. Вскоре в отверстии входа появились Джури и Ивин, они принесли ей еду, при этом сами не только не посмели войти в хижину, но даже не просунули туда рук, ибо таково было табу. Насытившись, Лили-Йо поспала и, проснувшись, выбралась наружу на ветвь племени и призвала собраться остальных.

– Поторопитесь! – крикнула она, пристально глядя на Харриса, который не проявлял особой расторопности. Как смеет он демонстрировать такую неисполнительность, когда она во все времена всегда относилась к нему как к своему фавориту? Почему иной раз самое трудное оказывается таким важным – или самое важное оказывается таким трудным?

Именно в этот миг, когда все ее внимание было отвлечено, из-за ствола древа высунулся огромный зеленый язык. Стремительно развернувшись, язык завис в воздухе на мгновение. Потом одним плавным движением обхватил Лили-Йо вокруг талии, накрепко прижав ее руки к бокам, оторвал ее от ветви и поднял в воздух, бьющуюся и задыхающуюся от ярости от того, что на глазах у других проявила такое непростительное невнимание.

Выхватив из-за пояса нож и прищулив глаза, Харрис прыгнул вперед и метнул в сторону зеленого врага свое оружие. Просвистев в воздухе, нож пронзил зеленый язык и накрепко пригвоздил его к изрезанному трещинами коры стволу древа.

После броска Харрис действовал без промедления. Он бросился вперед к пригвожденному языку. Вслед за ним уже бежали Дафи и Джури, пока Фло торопливо загоняла детей в безопасное место. В своей агонии язык ослабил хватку и отпустил Лили-Йо.

По другую сторону ствола уже поднялся невероятный треск – казалось, что весь лес трясется и вибрирует. Лили-Йо свистнула двум своим глупышам и с их помощью выбралась из смертоносных кольцевых объятий зелени и уже вскоре оказалась в относительной безопасности на ближайшей ветви. Язык, извиваясь в агонии, в отчаянии метался и бился о ствол древа, силясь вырваться. С оружием наготове, четверо людей устремились к врагу с разных сторон, чтобы расправиться с ним.

От могучих толчков и сотрясений зеленого гибкого хищника трепетало само древо. Обогнув ствол, они наконец увидели истинный растительный источник происхождения языка – огромный разверстый рот хищного растения, ползуна-душителя, тарашащегося в ответ на них радужным фасетчатым зрачком своего единственного широко раскрытого глаза. В ярости растение билось телом о древо, пуская пену и мыча. Им уже приходилось раньше иметь дело с ползуном-душителем, но все равно и по сию пору люди трепетали перед ним.

Видимая теперь часть ползуна-душителя могла удлиняться во множество раз относительного своего настоящего размера и при необходимости способна была даже достигать

Вершин, само собой утончаясь в таком протяженном процессе. Подобно забытому теперь чертику из табакерки, ползун-душитель выпрыгивал из Почвы в поисках добычи и пропитания, безрукий и лишенный разума, продвигаясь по нижнему уровню Леса на своих длинных нижних лапах-корневищах.

– Пригвоздите его! – крикнула Лили-Йо. – Не дайте чудовищу вырваться!

Всюду неподалеку от жилищ среди зелени были припрятаны острые колья, приготовленные на случай крайней опасности. Схватив колья, люди пригвоздили язык к стволу дерева, и под острьями продолжающий извиваться и хлестать подобно кнуту над их головами. В конце концов дело было сделано и добрая часть языка была накрепко прибита к стволу, после чего песенка хищника была спета. Теперь, сколько бы ползун-душитель не бился, он не смог бы вырваться.

– Теперь мы уйдем отсюда и поднимемся к Вершинам, – приказала Лили-Йо.

Людам не дано было умертвить ползуна-душителя, потому что важнейшая и жизненная часть его тела всегда была скрыта у Почвы. Но в этом не было необходимости, потому что звуки битвы уже привлекли внимание других хищников, острошипов, этих напрочь лишенных способности мыслить акул Леса, обитающих по преимуществу в срединных его слоях – а также птицелистов, лови-хватаев, горгулий и других меньших растительных плотоядных. Они будут рвать ползуна-душителя на живые еще куски до тех пор, пока от того не останется даже следа – и если поблизости в этот момент окажутся люди... что ж, таков был Путь. Вот почему, без особых размышлений, племя устремилось по переплетению лиан и уступам коры дерева вверх.

В душе Лили-Йо полыхала ярость. Она принесла на голову своего племени беду. Она забыла об осторожности и вина ее была очевидна. Если бы она держала себя в руках, то медлительный язык ползуна-душителя никогда не застиг бы ее врасплох. Ясно было одно – ее разум устал от бесконечного предводительства, утомился от необходимости принимать решения за других, тем более, что эти решения все чаще и чаще оказывались неудачными. Так и теперь из-за нее пришлось предпринять два опасных путешествия к Вершинам, тогда как вполне можно было обойтись одним. Если бы она приняла решение сразу и повела с собой племя тогда, когда отправилась к Вершинам с душой Клат, то можно было бы избежать опасностей, которые теперь лежали впереди них. Отчего ее разум был так неповоротлив, что не смог устроить все заранее?

Она хлопнула в ладоши. Остановившись под защитной сенью огромного листа, она собрала вокруг себя все племя. Шестнадцать пар глаз доверительно обратились к ней в ожидании слов, которые им будут вот-вот сказаны. Видя, что люди племени верят в нее и надеяться на ее решение, Ли-Йо испытала еще большую ярость.

– Мы, взрослые, состарились, – так начала она. – И сделались глупыми. Я стала глупой – позволила медлительному ползуну-душителю схватить себя. Я не могу больше вести вас за собой. Наступило время взрослым подняться на Небеса, с тем чтобы боги, породившие нас, забрали нас к себе обратно. После этого вы, дети, будете заботиться о себе сами. Вы образуете новое племя. Во главе племени встанет Той. К тому времени, когда вы научитесь жить самостоятельно и ваше племя станет сильным, Грин и Вэгги повзрослеют достаточно, чтобы дать вам хороших детей. Если у вас родятся мальчики, позаботьтесь о них. Не дайте им упасть в зелень, иначе племя умрет. Лучше умереть самому, чем дать умереть своему племени.

Никогда до сих пор Лили-Йо не произносила, а остальные не слышали таких долгих речей. Некоторые не поняли из сказанного почти ничего. Что означали слова о том, чтобы не дать мальчикам упасть в зелень? Судьба есть судьба, и если мальчик погибает, то таков Путь и нечего понапрасну говорить об этом.

Мэй, девочка, решила подать голос:

– Когда мы останемся одни, то будем делать что захотим.

Быстро протянув руку, Фло дернула Мэй за ухо.

– Прежде нам всем еще придется подняться к Вершинам, а это трудный путь.

– Да, и потому поторопимся, – подхватила Лили-Йо.

Она отдала приказ продолжить подъем, указав, кто пойдет впереди, кто будет прикрывать тыл. Никто не думал обсуждать ее приказ, дискуссия по всем вопросам была закончена, и только Грин задумчиво пробормотал:

– Лили-Йо решила наказать нас всех за свою ошибку.

Вокруг них бурлил, шелестел и трещал Лес, существа зелени мчались сквозь листву и ветви, пробивая себе путь, спеша урвать свой кусок на пиршественном пожирании ползуна-душителя.

– Подъем будет трудный. Все должны двигаться не жалея сил и без остановки, – напутствовала Лили-Йо, внимательно оглядываясь по сторонам, и под конец задержав ненадолго особенно тревожный взгляд на Грине.

– Но почему мы должны взбираться сами? – непокорно спросил тот. – Глупыши смогут легко поднять нас к Вершинам и сберечь нам силы.

Слишком сложно было объяснять сейчас, что человек, движущийся в воздухе, представляет собой более легкую мишень, чем плотно прижавшийся к стволу дерева, в многочисленных трещинах которого так просто укрыться в случае нападения хищников.

– Пока я вождь, ты будешь взбираться с остальными, – ответила Лили-Йо. – Ты слишком много говоришь, Грин, наверное у тебе в голове жабы вместо мозгов.

Ударить Грина она не могла – он был мальчик, а значит табу.

Они забрали из хижин свои души. Расставаясь со старыми хижинами, никто не говорил громких прощальных речей и не лил слезы. Они засунули души за пояс, стиснули в руках ножи – очень острые, изготовленные из самых прочных шипов, которые только удалось разыскать. Потом принялись подниматься вверх, вслед за Лили-Йо, прочь от разрываемого на части ползуна-душителя, прочь от старой жизни.

Младшие дети замедляли их продвижение, от того это путешествие к Вершинам длилось особенно долго. Отражая по пути атаки обычных врагов, они не в силах были одолеть самого главного врага – усталость, накапливающуюся в телах. На половине пути к Вершинам они устроили привал, выбрав для этой цели отходящую вбок ветвь, с разросшимся на ней густым грибом пушистиком-тишистиком, в котором можно было надежно укрыться.

Пушистик-тишистик был чудесный гриб, разрастающийся во все стороны чрезвычайно быстро и хаотично. С большого расстояния пушистик-тишистик напоминал огромное скопление ядовитого мха-жигуна, но по сути дела был абсолютно безвреден для людей, поскольку при приближении последних втягивал свои ядовитые соцветия, будто бы брезговал или не желал прикасаться ими к двуногим. Медленно, но верно покрывая собой ветви векового древа, гриб пушистик употреблял в пищу только собратьев-растений. Вот почему для места привала была выбрана именно гуща пушистика, куда все племя забралось и где спокойно заснуло. Под охраной светло-сиреневых и желтых стеблей гриба они могли не страшиться нападения почти никаких обычных врагов.

Из всех взрослых Фло и Лили-Йо спали крепче всех. Усталость предыдущего путешествия еще не ушла из них полностью. Первым, почувствовав неладное, проснулся мужчина Харрис. Открыв глаза, он сразу же разбудил Джури, толкнув ее в бок палкой. Харрис был ленив; кроме того, он был обязан держаться как можно дальше от любой опасности. Джури поднялась и села. Через секунду после этого она испустила пронзительный клич тревоги и бросилась на защиту детей.

В их укрытие в гуще гриба-пушистика прокрались четверо крылатых существ. Воспользовавшись тем, что все спят, они связали мальчика Вэгги и одну из младших девочек, Бэйн, заткнули им рты и теперь пытались незаметно похитить.

От крика Джури четверо крылатых созданий в тревоге обернулись.

Это были летучие люди!

В какой-то мере летучие люди походили на обыкновенных людей. Так же, как и обычно, у них была одна голова, пара длинных и сильных мускулистых рук и ног с длинными и цепкими пальцами. Однако их кожа, вместо того чтобы быть гладкой и зеленой, была покрыта ороговевшей субстанцией, местами черной, местами розовой. Большие чешуйчатые крылья, похожие на крылья птицелистов, росли у них от локтей, соединяясь с коленями. Их лица были настороженными, в блестящих глазах светился разум.

Увидев, что лесные люди проснулись, крылатые схватили свою добычу. Устремившись напролом сквозь заросли гриба, который им тоже не причинял вреда, они заспешили к краю ветви, чтобы броситься с него вниз.

Летучие люди были опасными врагами племени, встречались редко и справиться с ними было невероятно трудно. Обычно они нападали из засады. Крылатые не прибегали к убийствам, по крайней мере до тех пор, пока их к этому не принуждали, но похищали детей, что считалось еще более тяжким преступлением, чем убийство. Изловить крылатого было очень трудно, почти невозможно. Летучие люди не способны были летать по-настоящему, но могли совершать долгие затяжные планирующие прыжки с ветвей, быстро исчезая среди зарослей, благодаря чему догнать их становилось практически невозможно.

Мгновенно вскочив на ноги, Джури бросилась в погоню, вслед за ней устремилась Ивин. В отчаянном прыжке Джури удалось задержать одного из крылатых, прежде чем тот спрыгнул с ветви, ухватив его за кожистое сухожилие, которым крыло прикреплялось к коленному суставу. Крылатый споткнулся и упал, после чего в ярости обернулся, чтобы схватиться с тем, кто держал его. И что самое главное, при этом он отпустил Вэгги. Его напарник, которому теперь пришлось держать Вэгги одному, остановился и выхватил нож, чтобы защищаться.

Забыв об опасности, в ярости Ивин бросилась на еще удерживающего Вэгги крылатого. Она произвела Вэгги на свет и ни за что не позволила бы отнять его у племени. Нож крылатого встретил ее. По сути она сама бросилась на клинок. Нож вонзился ей в живот, да так сильно, что его коричневый кончик показался у нее из спины, после чего Ивин, не издав ни единого звука, сорвалась с края ветви и упала вниз. В месте ее падения моментально начались шум и возня – упавшую Ивин схватил лови-хватай.

Сбитый с ног Ивин крылатый вскочил на ноги и бежал, забыв о связанном Вэгги и не обращая внимания на своего товарища, борющегося с Джури. Расправив крылья, он с трудом последовал вниз за двумя своими сородичами, несущими вместе несчастную Бэйн к гуще ближайшего кустарника.

Все племя уже было на ногах. Не теряя времени, Лили-Йо молча разрежала на Вэгги путы. Мальчик не плакал, потому что мужчинам не пристало лить слезы. Тем временем мужчина Харрис, опустившись на колени над Джури, мертвой хваткой вцепившейся в крылатого, вскинул свой нож, чтобы положить конец схватке. Летучий человек, прежде боровшийся молча, закричал, умоляя о пощаде:

– Не убивай меня! Позволь мне уйти!

Голос крылатого был груб, смысл его слов можно было разобрать с большим трудом. Чужеродный вид существа привел Харриса в такую ярость, что его губы раздвинулись, обнажив зубы, между которыми наружу высунулся язык.

Четыре раза подряд он глубоко вонзил нож под ребра крылатому, пока его кровь густо не залила стискивающую оружие руку.

Задыхаясь от схватки, Джури поднялась на ноги и оперлась о плечо Фло.

– Я старею, – прохрипела она. – Раньше я расправлялась с летучим человеком без труда.

С благодарностью она взглянула на Харриса. От этого мужчины было гораздо больше толку, чем от простого производителя.

Упершись ногой в мертвое тело крылатого, она столкнула его с края ветви вниз. Взмахнув крыльями, труп тяжело закувыркался в зелень. Не успели его крылья исчезнуть среди нижних ветвей, как летучего человека поймал лови-хватай.

Глава четвертая

Они лежали в зарослях острых шипов чертополоха-свистуна, подремывая на жарком солнце, но все время помня об опасности, грозящей с неба. Их путь наверх был завершен, по сторонам от них простирались Вершины. Девять детей племени впервые увидели Вершины и от восторга не могли вымолвить слово.

Снова Лили-Йо вместе с Фло и Дафи напали на огнелинз, прикрывая его линзы тенью широких листьев. Как только ветви растения бессильно поникли, Дафи быстро отрезала шесть прозрачных семенных стручков-линз, которым суждено было стать их гробами. С помощью Хай Дафи перенесла линзы в безопасное место, после чего Лили-Йо и Фло, бросив свои листья, бегом вернулись в защитную сень свистуна.

Стая бумажников пролетела мимо них, оттенков пугающих и неожиданных для того, кто привык к одноцветию средних слоев зелени: небесно-голубые, желтые, бронзовые, сиреневые и сверкающие словно чистейшая вода.

Один из бумажников на свою беду уселся на соблазнительную изумрудно-зеленую зелень поблизости от людей. Кучка зелени оказалась липун-губой. Практически мгновенно бумажник стал серым, словно пепел, как только все его питательные соки были высосаны. Несчастное создание рассыпалось кучкой праха.

Осторожно сдвинувшись с места, Лили-Йо повела племя к ближайшей нити странника. Каждый взрослый член племени нес с собой свою линзу.

Странникам, самым крупным из доселе известных древесным людям порождения растительного мира или мира насекомых, не суждено было появляться в их срединной части Леса. Нити странников завершались среди Вершин Леса, прикрепленные там к ветвям более тонкими боковыми отростками.

Отыскав подходящую удобную нить, возле которой пока еще не было видно ни одного странника, Лили-Йо повернулась, отдав приказ положить вниз линзы. Потом она заговорила, обращаясь к Той, Грину и остальным семерым детям.

– Вы должны будете помочь нам забраться в огнелист вместе с нашими душами. Проследите за тем, чтобы створки были плотно закрыты. Потом отнесите нас к нити и прикрепите к ней. После этого вы прощаетесь с нами. Мы отправимся на Самый Верх, на Небеса, чтобы оставить Землю вам. Вы останетесь для того, чтобы жить!

Той на мгновение помедлила. Ее тело уже округлилось, груди напоминали пару персиков.

– Не уходи, Лили-Йо, – проговорила она. – Ты нужна нам и ты знаешь, что это так.

– Таков Путь, – твердо отозвалась Лили-Йо.

Открыв при помощи ножа створку линзы, Лили-Йо быстро скользнула внутрь своего гроба. С помощью детей остальные взрослые проделали то же самое. По привычке, Лили-Йо быстро оглянулась, чтобы убедиться, что мужчина Харрис в безопасности.

Теперь все взрослые племени были заключены в своих прозрачных темницах. Ими овладела неожиданная прохлада и покой.

По очереди дети отнесли линзы к нити и укрепили их там липкой стороной, все время тревожно поглядывая на небо. Тревога и страх не отпускали их. Они остались одни и чувствовали себя беззащитными. Только отчаянный паренек Грин, казалось, радовался новому ощущению независимости и свободы. Когда они развешивали на нити странника линзы, не Той, а он больше руководил остальными детьми.

Запах внутри линзы Лили-Йо был странным. Всего лишь несколько раз как следует вздохнув, она ощутила, что все ее чувства куда-то уносит и мир вокруг нее приобретает отстраненный вид. Происходящее вокруг, только что отчетливо видимое через прозрачные

створки линзы, приобрело вид туманный и маловразумительный. Она видела и понимала, что висит совершенно беспомощная на нити странника над деревьями Леса, вместе с Фло и остальными взрослыми, Харрисом, Дафи, Иви и Джури, каждый из которых был заключен в своей собственной линзе. Она видела также и детей, это новое лесное племя, которые торопливо возвращались к укрытию среди зелени. Даже не оглянувшись назад, дети нырнули в прогалину между деревьями на опушке платформы странника и исчезли.

Высоко над Вершинами плыл странник, в полной безопасности от любых врагов. Еще дальше за странником простирался космос цвета индиго, невидимые излучения которого омывали тело странника, поставляя ему необходимую жизненную энергию. Однако одного этого было недостаточно и странник по-прежнему зависел от Земли, где получал основную массу своей пищи. Проведя долгое время в состоянии растительного сна, гигантский паук стронулся с места и начал опускаться по своей нити вниз.

Рядом с ним висели в полной неподвижности другие странники. Время от времени то одно, то другое существо извергало облако кислорода или дергало ногой, с тем чтобы достать и прогнать надоедливую паразита. Подобная лень никогда доселе не была известна в природе. Понятие времени было создано не для странников; солнце принадлежало им и так должно было длиться до тех пор, пока светило не потеряет стабильность и, обратившись в сверхновую, уничтожит себя и своих питомцев.

Перебирая лапами, которые едва прикасались к нити, странник продолжал свой спуск к Земле. Его целью был Лес внизу, свод непроницаемых листовенных Вершин. Здесь, в воздушном пространстве, обитали враги странников, враги во много раз мельче, но во много раз злее и сообразительнее. Здесь великаны странники становились жертвами одной из последних сохранившихся разновидностей насекомых – тигромух.

Только тигромухам было по силам убить странника, для чего у них существовал свой собственный, коварный и скрытный способ.

По мере того, как за прошедшие века сила солнечного света и радиации росла, растительность бурно эволюционировала и набирала силу, достигнув на Земле абсолютного главенства. Осы также эволюционировали и развивались, во многом не отставая и даже опережая соревновательный темп с растениями. Размеры ос увеличивались, в то же время уменьшалось до нуля число разновидностей животных? проигравшие в борьбе с приливной волной растений быстро вымирали. С течением времени осы остались единственными главными врагами паукообразных странников. Нападая на гигантов целым роем, осы способны были своими укусами парализовать примитивные нервные центры странников, бросая тех на произвол судьбы и медленную смерть. Выгрызая также глубокие норы в телах странников, осы откладывали туда яйца. Выведшиеся из яиц личинки прекрасно развивались, всегда имея вокруг себя обильный живой корм.

Именно этот враг в течение многих миллионов лет способствовал тому, что странники уходили от Земли все дальше и дальше в космос. Как ни странно, но оказавшись в этой, как будто бы самой что только может быть враждебной и чужеродной среде обитания, как раз там странники развились в самой полной мере, достигнув наибольшего расцвета своего вида.

Жесткое излучение стало для них основой жизнедеятельности. Первые естественные астронавты природы, они изменили облик небес. По прошествии неисчислимого количества лет после того, как человек закончил свои свершения и вернулся обратно на деревья, странники ступили на потерянную людьми космическую тропу между мирами. Через миллионы лет после того, как разум миновал свой пик и склонился к полному закату, странники соединили зеленый шар и его бледный ночной спутник при помощи древнего символа упадка и забвения – паутины.

Странник опускался на свою платформу раздвигая зелень Вершин, поднимая щетину на своем загривке, там где пятна зелени и черного цвета составляли его естественный камуфляж. Опускаясь вниз, странник, сам того не сознавая, забрал с собой нескольких существ, порхающих вокруг его нити. Мирно он впитал и переварил их. После того как прекратились булькающие звуки усвоения пищи, странник впал в растительную дремоту.

Из дремы его пробудило жужжание. Перед его грубо оформленными глазами замелькали черные и желтые полосы. Его обнаружила пара тигромух.

Удивительно быстро странник пришел в движение. Его огромное тело, сократившееся в атмосфере, имело в длину не менее мили, и тем не менее его реакция была быстра, когда словно семечко, несомое ветром, он устремился вверх по своему канату в направлении сулящего безопасность вакуума.

По мере подъема, перебирая по своему канату лапами, странник собирал различные споры, жуков и личинок, всех небольшого размера существ, временно прикрепившихся там на жительство. Вместе со всем прочим странник собрал и полдюжины линз огнелинза, внутри каждой из которых содержалось бесчувственное тело человеческого существа, безразличного ко всему окружающему, повисших после встречи с космическим путником на его голени.

Поднявшись вверх на несколько миль, странник замедлил свой ход. Прекратив бегство, он исторг облако кислорода, аккуратно крепче прицепившись к канату. Наступило время для передышки. Его тело затрепетало. До открытого космоса оставалось уже совсем немного хода, и странник увеличился в размере пропорционально падению давления.

Затем с нарастающей скоростью растительный паук снова сдвинулся с места. Подогнув лапы, он начал извергать свежую нить из своих расположенных на животе прядильных желез. Так, постепенно, странник поднимал себя вверх, огромное растительное существо без чувств и целей, медленно вращающееся вокруг оси для стабилизации температуры.

Жесткие космические лучи омыли его тело. Странник испытал удовольствие, словно бы купаясь в жестком излучении. Излучение было необходимой частью процессов его жизнедеятельности.

Дафи проснулась. Ее открытые глаза бессмысленно взглянули на окружающую действительность. То, что она узрела пред собой, было лишено для нее всякого смысла. Единственное, что она осознала, так это то, что ее тело поднимается Вверх. По сторонам от нее простиралась среда ее нового обитания, пока не имеющая для нее определенного значения.

Часть обзора, открывающегося из глубин ее линзы, закрывали жесткие желтые завитки, которые могли быть как пучками щетины странника, так и попутно сорванными с деревьев ветками, отправившимися с ним вместе на Вверх. Все остальное имело вид совершенно неясный, погруженное либо в глубокую тень, либо в ослепительно яркий свет. Свет и тень вращались, медленно меняясь местами.

Мало-помалу Дафи начала различать другие предметы. То, что в первую очередь бросалось в глаза, была правильная изящная голубая половинка шара, испещренная пятнами зелени и белесого тумана. Что это – какой-то плод? От половинки шара тянулись нити, проходя справа и слева от нее, вверху и внизу, множество нитей, блестяще-серебряных, золотых или иных совершенно потрясающих оттенков. На расстоянии можно было заметить пару странников, так же быстро движущихся, но имеющих вид совершенно неживой, мумифицированный. Множество ярких блесков света, рассыпанных вокруг, причиняли боль глазам. От подобного зрелища кружилась голова.

Вокруг простиралась обитель богов.

Тело Дафи оставалось совершенно бесчувственным. Удивительное онемение не давало ей возможности двинуться с места и гасило любое желание пошевелить рукой или ногой.

Внутри линзы царил странный дух. То, что Дафи вбирала в свои легкие при вдохе, напоминало студень. Окружающее было подобно ночному кошмару. Она открыла рот, чувствуя что челюсти ее движутся скованно и медленно, словно погруженные в густой застывший сок, едва отвечая на приказы ее мозга. Она попыталась вскрикнуть. Но не смогла произвести ни единого звука. Все ее тело начало наполняться нестерпимой болью. Страдание клещами сдавило ее грудную клетку.

Когда ее глаза снова закрылись, ее рот так и остался открытым.

Похожий на невиданных размеров мешковатый воздушный шар, странник опустился на поверхность Луны.

Растительный астронавт, являющий собой удивительный природный механизм, или нечто мало чем отличное от подобного понятия, едва ли был способен на связное мышление. И тем не менее где-то внутри его огромного тела шевелилось изводящее осознание того, что последнее его путешествие оказалось слишком коротким, что где-то позади осталось то, что могло бы задержать его на больший срок. Но расплодившиеся в невероятных количествах тигромухи причиняли на Земле, в текущий момент мало чем отличающейся от Луны, слишком большие неприятности. Возможно, что где-то дальше ему удастся разыскать более тихое место, такое же зеленое, к тому же исполненное подобных же приятных пронизывающих лучей...

Возможно, что когда-нибудь, в отдаленном будущем, на полный желудок, конечно, он отправится на поиски этой новой тихой и уютной гавани...

Над пиками Луны висело множество странников. В совершенном беспорядке их нити перекрещивались повсюду, являя собой густую неорганизованную сеть. Луна была их уютной гаванью, во многом выгодно отличающейся от неприветливой Земли, где воздух был слишком густой и лапы теряли свою подвижность. Странники первыми разыскали и открыли для обитания этот чудесный мир – если не принимать во внимание жалкие разновидности тех примитивных недоразвитых организмов и существ, семейства которых отправились в небытие задолго до появления космических цеппелинов. Странники оставались последними повелителями мирозидания. Огромные и подобные богам, они наслаждались своей полновластностью в зените своего могущества.

Странник замедлил движение, прекратив производить нить. Медлительно и лениво он пробрался сквозь ячеи густой сети и опустился вниз, к скудной растительности излюбленной Луны...

Условия существования на Луне разительно отличались от имеющих место на планетах с повышенной гравитацией. Многоствольному баньяну не дано было добиться здесь своего владычества; в разреженном воздухе и пониженной гравитации это растение лишалось своей силы и теряло способность к росту. Здесь правили бал гигантских размеров злаковые и петрушковые, на чью мягкую постель и опустился наш странник. С шипением ослабив напряжение тела, растение извергло облако кислорода и предалось отдыху.

С удобством разместившись на подстилке из мягкой зелени, паук раскинул по сторонам свое обширное тело. Его ноги уместились в огромных кучах зелени. Из всех возможных складок и отверстий его необъятной шкуры хлынули потоки живности – спор и мелких насекомых, орехов, семян и листьев, которых он забрал на свою клейкую поверхность с далекой Земли. Вместе с другой невольной добычей странника, на поверхность Луны упало и шесть линз огнелинза. Коротко прокатившись по лунной поверхности, линзы замедлили свой ход и остановились.

Первым пришел в себя мужчина Харрис. Застонав от неожиданно пронизавшей его грудь боли, он попытался подняться и сесть. Его лоб уперся в неожиданное препятствие и

он вспомнил где находится. Подтянув к себе колени и сжав руки, он попытался приоткрыть крышку своего гроба.

Несколько мгновений крышка противостояла ему. Потом внезапно вся линза развалилась на куски и Харрис кубарем выкатился наружу. Жесткое воздействие открытого вакуума ослабило связующие структуры скорлупы линзы.

Не в силах подняться на ноги, Харрис остался лежать там, где упал. Его голова раскалывалась от боли, в его легких еще клубился неприятный запах. Широко открытым ртом он глотал чистый воздух. Поначалу воздух казался ему разреженным и резко холодным, но он вдыхал его раз за разом с наслаждением.

Понемногу он пришел в себя настолько, что смог оглядеться по сторонам.

На ближайшем кусте висели какие-то желтоватые пряди, медленно протягивающие к нему свои нежные щупальца. Встревоженно, он обернулся туда и сюда в поисках женщин, которые смогли бы защитить его. Поблизости не отказалось ни одной. Едва в силах сдвинуться с места и с трудом сгибая пальцы рук, он вытянул из-за пояса нож, потом перекатился на бок и отрубил щупальца, которые уже подбирались к нему. Это был враг, но легкий враг!

В тот же миг он вскрикнул, увидев во что превратилась его кожа. Вскочив на ноги, он пошатнулся и застонал от отвращения к самому себе. Вся его кожа была покрыта струпами. Более того, его одежда лоскутьями опала с него, он различил новый кожистый покров, покрывающий его руки, грудь и ноги. Он поднял руку и новая кожа отвратительно растянулась, подобно крыльям. Его тело было поражено порчей, его мужская красота пропала безвозвратно.

Звук, раздавшийся неподалеку, заставил его обернуться, и он снова вспомнил о своих спутниках. Лили-Йо выбиралась из остатков своего гроба. Она подняла руку в приветствии.

К своему ужасу, Харрис различил на ее теле знаки тех же перемен, которые только что увидел у себя. По правде сказать, он с трудом узнал ее. Более всего сейчас Лили-Йо была похожа на одного из тех мерзких летающих людей, которых они все так ненавидели. Он бросился лицом вниз на землю и разрыдался, чувствуя как его сердце разрывается от страха и отвращения.

Лили-Йо не пролила не слезинки. Она не была рождена для слез. Не обращая внимания на болезненные изменения, произошедшие в собственном теле, с трудом втягивая воздух в легкие, она двинулась вперед, огибая лапы безразличного ко всему странника, отыскивая четыре других гроба-линзы.

Первая, кого она отыскала, была Фло, чей гроб оказался наполовину погребен под палой листвой. Один удар камнем, и стены линзы треснули. Лили-Йо подняла на руки подругу, созерцая удивительные перемены, происшедшие с ней, и довольно скоро Фло уже пришла в себя. Хрипло вдыхая бедный кислородом воздух, Фло встала на ноги. Лили-Йо отправилась на поиски остальных. В ее голове плыла странная муть, она плохо различала окружающее, но благодаря пониженной тяжести, движения давались ей без особого труда. Во всем теле царил паразитический поразительный легкость.

Дафи умерла. Она лежала в своем гробу распухшая и красная от внутренней натуги. Когда Лили-Йо разбила створки линзы и громко позвала, Дафи не откликнулась. Ее распухший язык все так же мертвенно высывался изо рта. Дафи погибла. Дафи, которая еще недавно была жива – Дафи, которая знала столько веселых и нежных песен.

Хай тоже погибла, ее жалкие останки неподвижно лежали в линзе, треснувшей во время удивительного путешествия между двумя мирами. Одним ударом Лили-Йо разбила остатки гроба, и тело Хай упало лицом вниз в пыль. Хай была мертва. Хай, которая родила племени мальчика. Которая была такой быстроногой.

Линза Джури была последней. Когда вождь добралась наконец до нее и смахнула всякую труху с прозрачной поверхности гроба, Джури слабо пошевелилась внутри. Через минуту она уже сидела и, стоически скрывая отвращение, взирала на изменения, происшедшие с ней, на уродливость собственного тела, втягивая с присвистом воздух сквозь стиснутые зубы. Джури выжила.

Шатаясь, к женщинам подошел Харрис. В руках он держал свою душу.

– Нас осталось четверо! – воскликнул он. – Как узнать, приняли нас боги или нет?

– Мы чувствуем боль, значит мы живы, – ответила ему Лили-Йо. – Дафи и Хай пали в зелень.

– Взгляни на нас! – продолжал волноваться Харрис. – Лучше бы нам умереть!

– Прежде чем принять решение, – ответила ему Лили-Йо, – мы поедим.

После этого все вместе они углубились в редкий кустарник, еще раз напомнив себе о возможной опасности. Они, Харрис, Лили-Йо, Джури и Фло, шли, поддерживая друг друга. Запретные требования табу как-то ими позабылись.

Глава пятая

– Здесь нет ни одного настоящего дерева, – протестующе подала голос Фло, когда они начали пробираться сквозь высоченные злаки, колосья которых вздымались выше их голов.

– Осторожно! – отозвалась Лили-Йо. Потом оттолкнула Фло в сторону. Что-то с треском метнулось им навстречу, щелкнув челюстями и рыча словно цепной пес, нацелившись в ногу Фло и промахнувшись всего на какой-то дюйм.

Лови-хватай, упустивший свою добычу, снова раскрыл свои челюсти, обнажив зеленые зубы. Здесь этот хищник был лишь слабой тенью того смертельно опасного врага, к которому они привыкли в зеленом покрове земных джунглей. Его челюсти были не в пример слабее, а движения и реакция лишены той молниеносности, точности и проворства. Лишившись покровительственной защиты великого баньяна, лови-хватай выродился и измельчал.

Похожее чувство поселилось и в людях. Они сами и их прародители в течение многих поколений обитали в гуще высоких деревьев. Деревья были и здесь, но основа из злаковых и петрушковых разновидностей не представляла возможности укрепиться и вознестись к небесам обычным деревьям, и среди такого растительного окружения нечего было и думать искать привычной защиты.

Они продолжили свой путь, сдерживая нервную дрожь, потерянные, изнывающие от еще не полностью ушедшей боли недавнего превращения, не зная и не понимая куда они идут и что их ждет впереди.

На них напали ползун-душитель и пилошип, но им не составило труда уничтожить и того и другого. Полоску зарослей мха-жигуна, разросшегося гораздо гуще и выше, чем-то бывало на Земле, они осторожно обошли стороной. Здешные условия, в которых вымирали и становились хилыми некоторые разновидности растений, благотворно сказывались на росте других. Поднявшись на пологий холм, они вышли к пруду, питаемому небольшим ручейком. На берегу пруда разрослись ягоды и фруктовые деревья, сладкие на вкус, прекрасно утоляющие голод и жажду.

– Здесь не так плохо, – заметил Харрис, – возможно, мы сможем тут жить.

Лили-Йо улыбнулась мужчине. По большей части она беспокоилась именно о Харрисе, известном ленивце. Он замедлял продвижение группы и делал ее более уязвимой. И тем не менее, она была рада тому, что он был вместе с ними. После того, как они все вместе выкупались в пруду, она снова взглянул на Харриса. В довершении к странной чешуе, покрывающей все его тело, по бокам у него появились протянувшиеся от пальцев рук к коленным суставам широкие складки кожи, но все равно вид Харриса по сию пору доставлял ей удовольствие, именно потому, что он был ее старым добрым Харрисом. Она надеялась, что ее собственный облик тоже не вызывает особого отвращения. Лили-Йо пригладила мокрые волосы. На ее голове было еще достаточно растительности; лишь малая часть ее волос выпала.

Искупавшись, они еще раз поели. После этого Харрис принялся за работу, выбрал среди близлежащих кустарников куманики приличные шипы, из которых выстругал новые ножи. Здешные шипы не могли сравниться в прочности с земными, но все же вполне могли сгодиться. После этого они все растянулись на солнышке и принялись отдыхать.

Привычная черда их жизни оказалась нарушенной. Раньше они существовали, подчиняясь более не велениям разума, а инстинкту. Оказавшись вне своего племени, без защиты великого древа, у них не осталось ничего, на что можно было бы привычно опереться мыслью, с тем чтобы разобраться, что предстоит делать дальше. Таков ли был их Путь или нет, оставалось неясным. Посему они спокойно растянулись на песке на берегу пруда и предались отдыху.

Лежа на теплом песке, Лили-Йо оглядывалась по сторонам. Все вокруг представлялось ей странным и удивительным, даже удары ее сердца были более слабыми и глухими.

И тем не менее солнце над ее головой продолжало сиять так же ярко, как и прежде, при том что небо приобрело цвет более глубокий, подобный плодам дикого ягодника. Половинка шара, сияющая в небесах, в полосках голубого, белесого и зеленого цвета, не говорила Лили-Йо ни о чем, ничем не напоминая о том, что когда-то являл собой ее родной мир, где она вела привычную ей жизнь. Множество призрачных серебристых нитей указывали в направлении Земли, вблизи превращаясь в толстые канаты странников, связанные друг с другом более тонкими нитями, образуя невероятную сеть, оплетающую небо. Облакоподобные странники тихо передвигались над головами.

Все, существующее вокруг вновь прибывших людей, было империей странников, их творением. Со времен первого путешествия, случившегося многие миллионы лет назад, странники во всех смыслах заронили семена жизни в лунном мире. Сначала они сами тысячами погибали здесь, в непривычной и враждебной среде, и их мертвые тела отлагались в виде питательного праха. Но даже мертвыми, им удавалось вносить в атмосферу этого мира свою небольшую толику кислорода и прочих необходимых газов, а также наращивать тут почву, сеять споры и семена, малая часть которых проклюнулась в питательной среде мертвых тел. Прошло огромное количество времени пока прижившиеся растения образовали нечто вроде своей собственной экосистемы.

Растительность распространялась по Луне. Поначалу жалкие и карликовые, малопомалу растения развивались и увеличивались в росте. Обладая упорством неисчислимых веков земного выживания, растения тянулись к небесам. Они поглощали углекислоту и выделяли кислород. Они сеяли семена и разрастались потомством. Они укреплялись в почве, превращаясь в полновластных хозяев. Медленно, но верно, безжизненный лик Луны покрывался живой зеленью. Внутри впадин кратеров появились цветы и кустарники. На склоны кратеров взбирались менее прихотливые злаки.

По мере того, как атмосфера становилась менее разреженной, таинство жизни захватывало все новые и новые уголья, развиваясь и процветая, углубляя ритм, наращивая темп. Таким вот образом, с невероятной для других живых существ целенаправленностью и успехом, странники колонизовали Луну.

Слабое человеческое существо по имени Лили-Йо ничего не знало и знать не могло об этом. Она подняла лицо к небу.

Фло перелегла к мужчине Харрису. Прижавшись к нему, она устроилась так, чтобы его рука удобно обнимала ее, а новая кожистая складка частью прикрывала ее тело. Она принялась перебирать волосы Харриса.

Лили-Йо в ярости вскочила на ноги. Одним сильным толчком отбросив Фло от Харриса, она бросилась на своевольницу, оскалив зубы и скрючив пальцы с острыми ногтями, которые не замедлила бы пустить в ход. Джури тоже вскочила на ноги, чтобы поучаствовать в разборке.

– Сейчас не время для спаривания! – выкрикнула Лили-Йо. – Как ты посмела прикоснуться к Харрису?

– Отпусти меня! – кричала ей в ответ Фло. – Харрис ко мне первый прикоснулся!

Испуганный Харрис тоже уже был на ногах. Вытанув в сторону женщин руки, он взволнованно замахал ими и вдруг плавно поднялся в воздух.

– Глядите! – потрясенно в восторге воскликнул он. – Глядите, что я могу!

Поднявшись в воздух, он не упал вниз, а сделал над головами женщин круг, поддерживая себя в воздухе неуверенными взмахами крыльев. Потом потерял равновесие и полетел головой вниз, с открытым в немом крике ужаса ртом. Вниз головой он упал в пруд.

Три потрясенные увиденным и охваченные любовным пылом женщины, не сговариваясь, одновременно бросились в воду, на помощь своему тонущему мужчине.

Позже, обсыхая на берегу, они слышали доносящийся из кустарника шум. Руководствуясь старым рефлексом, они мгновенно вскочили на ноги, приготовившись отражать атаку или спастись бегством. Выхватив ножи, они стали напряженно вглядываться в заросли кустарника.

Появившийся вскоре ползун-душитель был совсем не похож на своего земного собрата. Не имея в себе силы поддерживать тело вертикально, дабы появляться перед жертвой словно чертик из табакерки, лунный ползун-душитель полз наподобие гусеницы.

Заметив, как из зарослей злаковых выглянул фасетчатый глаз ползуна-душителя, они молча повернулись и бросились бежать.

Даже когда эта опасность осталась далеко позади, они, перейдя на шаг, продолжали двигаться быстро, не зная, каких сюрпризов ожидать от этого мира. Устав, устроили привал, поели и по-очереди поспали, потом двинулись дальше сквозь нескончаемые заросли злаков, освещенные солнцем вечного дня, и наконец добрались до места, где перед ними наконец вздымались деревья.

Однако оказалось, что прямо перед ними почва резко обрывается вниз, так же резко поднимаясь через широкую протяженность пустоты.

Осторожно приблизившись к краю невиданного дива, они рассмотрели его. Лунная поверхность под их ногами и до того была чрезвычайно изломанной. Теперь же путь им преградила широкая расселина. На другой стороне расселины начиналось слабое подобие земных джунглей – подобие жалкое, но все же манящее своим привычным обликом. Но как им перебраться на ту сторону? Вчетвером они растерянно стояли на краю отвесно обрывающейся вниз расселины, жадно глядя на другую ее сторону.

Лицо мужчины Харриса сложилось в болезненную гримасу, означающую, что в голову ему пришла мысль, необычная и, возможно, пугающая.

– То, что я сделал недавно – поднялся в воздух, – с трудом подбирая нужные слова, начал он. – Я снова сделаю так и перелезу на другую сторону. Вы тоже можете.

– Нет! – воскликнула Лили-Йо. – Ты поднялся вверх и тут же упал. Ты упадешь в зелень!

– На этот раз у меня получится лучше. Думаю, что я понял, как нужно двигать руками.

– Нет! – повторила свой приказ Лили-Йо. – Ты не сделаешь этого. Это опасно.

– Пусть попробует, – подала голос Фло. – Он говорит, что понял как нужно махать руками.

Повернувшись, женщины ожгли друг друга яростными взглядами. Видя, что внимание вождя отвлеклось, Харрис воспользовался представившейся возможностью, взмахнул руками, и приподнявшись над поверхностью, принялся слаженно двигать руками и ногами. И прежде чем решимость оставила его, он заскользил по воздуху над расселиной.

Неожиданно Харрис начал терять равновесие и опускаться вниз и движимые инстинктом, две женщины бросились с края пропасти вслед за ним. Широко раскинув руки и ноги, они поддерживали себя в воздухе мерными взмахами кожистых перепонки, крича вслед Харрису. На краю расселины осталась одна Джури, растерянная и в отчаянии рыдающая от злости и страха.

Восстановив равновесие, Харрис наконец тяжело опустился на противоположной стороне расселины прямо в заросли кустарника на самом краю. Фло и Лили-Йо, еще встревоженно крича и сетуя на опасное легкомыслие своего мужчины, опустились рядом с ним. Перед ними, отгораживая их от деревьев, поднимался невысокий утес, к которому они потопились прижаться, отодвинувшись от расселины подальше для пущей безопасности. Над их головами утес изламывался острым клином между двумя краями, в котором светилось

розовым небо. Оставшуюся на другой стороне Джури отсюда не было видно, но крики ее по-прежнему доносились до них, отражаясь эхом от скал. Они крикнули ей в ответ.

В изломе утеса вглубь скалы уходила пещера, переходящая в узкий тоннель. Оглянувшись в одну и другую сторону, они открыли, что весь утес изрыт подобными тоннелями, отчего напоминал большую губку. Внезапно из одного тоннеля выскочили и решительно бросились к ним три летучих человека, две женщины и мужчина, с веревками и копьями в руках. Застигнув врасплох Лили-Йо и Фло, склонившихся над Харрисом, крылатые чужаки сбили их с ног и связали в мановение ока. Из других пещер высыпало еще больше крылатых чужаков, моментально окружившие их. Летучие люди передвигались частью бегом, частью летели по воздуху, ловко и уверенно взмахивая крыльями, грациозно паря, не то что их сородичи на Земле. Возможно, потому что здесь, на Луне, люди весили меньше и усилий для того, чтобы поддерживать себя в воздухе, им требовалось немного.

– Несите их в пещеру! – кричали вокруг них летучие люди.

Эти создания, с умными лицами и внимательными взглядами, которыми они стреляли по сторонам, взвалили пленников на плечи и быстро унесли их вглубь пещер во мрак.

Попав в беду, Лили-Йо, Фло и Харрис забыли о Джури, оставшейся на другой стороне расселины и спрятавшейся там за камнями. С тех пор они ее больше не видели.

Тоннели медленно опускались вглубь скалы, уходя под поверхность. Постепенно узкий тоннель вышел в более широкий и прямой, устремившийся дальше, передвигаться по которому было не в пример легче. Этот широкий и просторный тоннель выходил в просторную пещеру, почти правильной круглой формы, с ровными стенами и потолком. В дальнем конце пещеры открывался выход, сквозь который сочился серый сумеречный дневной свет, все, что достигало дна расселины, куда как раз и выходила пещера.

Пленников опустили на каменный пол. У них забрали ножи, после чего освободили от пут. Ожидая неприятностей, они сгрудились вместе, крепко прижавшись к друг другу. Один из летучих людей выступил вперед и обратился к ним с речью.

– Мы не причиним вам зла, если только вы не заставите нас, – сказал им крылатый. – Вы только что прибыли из Тяжелого Мира и здесь новички. Как только вы узнаете наш Путь, то сможете присоединиться к нам.

– Я, Лили-Йо, – гордо отозвалась Лили-Йо. – Вы должны отпустить нас и дать свободно уйти. Вы летучие люди, а мы трое – настоящие люди.

– Да, вы люди, а мы летучие. Но мы тоже люди, как и вы теперь летучие люди, ибо мы с вами – одно и то же. Вы ничего не понимаете из того, что произошло с вами, и не знаете, как жить. Но вы быстро научитесь и поймете, что к чему, как только встретитесь с Узниками. Они многое смогут вам поведать.

– Я, Лили-Йо. Я знаю достаточно.

– Узники смогут поведать вам еще больше, гораздо больше, – стоял на своем крылатый.

– Если бы в мире было больше вещей, которые можно узнать, то я бы их знала, потому что я Лили-Йо.

– Я, Бенд Эппа Бонди, отведу тебя пред очи Узников. Ты говоришь глупости, как и все появляющиеся из Тяжелого Мира, Лили-Йо.

На лицах летучих людей появилась злость и раздражение, и заметив это, мужчина Харрис толкнул Лили-Йо локтем в бок и пробормотал в полголоса:

– Сделаем так, как он говорит. Не нужно их злить.

Лили-Йо неохотно склонила в согласии голову, после чего она и двое ее спутников были препровождены в соседнюю пещеру. Здесь стены частично обрушились и в воздухе пахло нечистотами. В дальнем конце пещеры лежал обрушившийся с потолка огромный камень, залитый распространяющим вокруг себя золотое сияние ровным солнечным светом, проникающим в потолочное отверстие. Подле света сидели Узники.

– Их вид необычен, но вам не следует их бояться, – прошептал Эппа Бонди, подталкивая людей вперед. – Они не причинят вам зла.

Предупреждение было более чем необходимо, ибо вид Узников вселял отвращение.

Всего Узников было восемь, и их восемь тел возлежали в восьми больших линзах огнелинза, служивших им просторными вместилищами. Восемь линз с Узниками были расположены полукругом. Эппа Бонди ввел Лили-Йо и ее спутников в центр этого полукруга, где они сами могли хорошо видеть Узников и где самих их легко было рассмотреть.

На Узников было тяжело смотреть. Каждый из них отличался своим видом уродства. У одного не было ног. Нижняя челюсть другого была голой, без признаков мяса и кожи. У третьего было четыре сухих карликовых руки. У следующего имелись маленькие перепонки, соединяющие его голову и большие пальцы, так что ему все время приходилось держать руки поднятыми вверх к голове. Бескостные руки другого болтались у него по бокам, к тому же у него была одна бескостная нога. У следующего огромные чудовищные крылья волочились позади напоподобие широкого плаща. Следующий скрывал свой уродливый облик за горой собственных экскрементов, высящихся стеной по краям его прозрачного ложа. У одного были две головы, вторая голова была совсем маленькая и уродливая, росла на макушке большей головы и сразу же пригвоздила Лили-Йо к месту злобным взглядом. Этот последний узник, который, похоже, предводительствовал остальными, заговорил, произнося слова ртом своей большей головы.

– Я главный Узник. Приветствую вас, дети, и приглашаю вас познать самих себя. Вы прибыли из Тяжелого Мира; мы – обитатели Истинного Мира. Настала пора вам присоединиться к нам, потому что вы одни из нас. У вас появились крылья и ваши тела покрылись чешуей, и мы рады, что нас теперь стало больше.

– Я Лили-Йо. Мы трое – люди, а вы – летучие люди. Мы не станем жить среди вас.

Узники раздраженно заворчали. Главный Узник снова подал голос.

– Вы, выходцы из Тяжелого Мира, всегда повторяете одно и то же! *Поймите*, вам придется жить с нами, потому что вы стали такими же как мы. Летучие люди – это вы, а мы – люди. Ваш разум скуден, а наш – безграничен.

– Но мы...

– Прекрати свои глупые разговоры, женщина!

– Мы...

– Замолчи, женщина, и слушай, – грозно подал голос Бенд Эппа Бонди.

– Наше знание огромно, – продолжил Главный Узник. – Мы о многом вам расскажем и вам многое предстоит понять. Мы заставим вас понять то, что вы услышите. Все, кто совершают переход из Тяжелого Мира, становятся другим. Некоторые умирают. Но многие выживают и у них вырастают крылья. Пространство между нашими мирами пронизано множеством могучих лучей, незримых и неощутимых, воздействие которых изменяет человеческое тело. Оказываясь здесь, прибывая на земли Истинного Мира, вы превращаетесь в настоящих людей. Личинку тигромухи нельзя назвать тигромухой до тех пор, пока личинка не превратится в муху. Так изменяются люди, превращаясь в тех, кого вы называете летучими людьми.

– Я не понимаю, о чем он говорит, – упрямо повторил Харрис, усаживаясь на пол. Но Лили-Йо и Фло продолжали слушать.

– Мы прибыли в этот мир, который вы называете Истинным Миром, для того, чтобы умереть тут, – с неуверенностью в голосе заметила Лили-Йо.

Узник с костяной челюстью ответил:

– Личинка тигромухи тоже думает, что умирает, когда превращается в настоящую муху.

– Вы еще очень молоды, – продолжил свою речь Главный Узник. – Вы только входите в пору новой жизни. Где ваши души?

Лили-Йо и Фло переглянулись. Во время бегства от лунного ползуна-душителя они не заметили, как бросили свои души. Харрис тоже свою где-то потерял. В это невозможно было поверить!

– Вот видите! Ваши души вам больше не нужны. Вы все еще молоды и способны рожать детей. И некоторые из детей, что появятся у вас на свет, могут родиться с крыльями.

– Некоторые из ваших детей могут родиться уродами, похожими на нас, – добавил узник с бескостными руками. – Но по большей части дети рождаются нормальными.

– Вы слишком уродливы для того, чтобы позволить вам жить! – прорычал с пола Харрис. – Почему вас не убили, как только вы родились на свет и стало понятно, что ваш облик ужасен?

– Потому что в наших головах гнездится особый разум, – спокойно ответил Главный Узник. Его вторая голова, снова сфокусировав на Лили-Йо злобный взгляд, прохрипела: – Внешне нормальная форма тела еще не самое главное в жизни. Знание – вот что важно. Поскольку мы не способны передвигаться как нормальные люди, мы развили в себе способность *думать*. Племя обитателей Истинного Мира обладает трезвым разумом и хорошо понимает ценность способности к мышлению, даже если эта способность скрыта в самом уродливом теле. Так что позвольте нам управлять привычным нам образом.

Фло и Лили-Йо снова удивленно переглянулись.

– Значит вы, несчастные уроды Узники, *управляете* людьми Истинного Мира? – пораженно спросила Лили-Йо у Главного Узника.

– Истинно так.

– Тогда почему вас называют Узниками?

Летучий человек с приросшими к голове перепонками, тянувшимися от его пальцев, двинув своими уродливыми конечностями в протестующем жесте, впервые заговорил, и его голос, глубокий и проникновенный, звучал странно и непривычно для человеческого уха:

– Править людьми – значит служить этим людям, женщина. Те, кто несет на себе бремя власти, становится ее рабом. Полностью свободны только отщепенцы и изгнанники. Мы Узники, и у нас есть время и возможность переговорить и обсудить наши планы и поделиться между собой знанием. Те, у кого в руках знание, держит в руках остальных. Мы лишены власти над собственными телами и все-таки мы – власть, ибо знаем как править и не сдвигаясь с места.

– Никто не причинит вам вреда, Лили-Йо, – добавил Эппа Бонди. – Вы будете жить среди нас и вскоре поймете, что эта жизнь намного лучше той, что вы влачили в Тяжелом Мире, полном смертельных опасностей и риска.

– Нет, не так! – воскликнул Главный Узник обоими ртами своих голов. – Прежде чем эти женщины, Лили-Йо и Фло, смогут присоединиться к нам, они – а также их третий спутник, представляющийся нам совершенно бесполезным – должны будут помочь нам исполнить великий план.

– Вы хотите рассказать им о нашем плане вторжения? – спросил Эппа Бонди.

– А почему бы и нет? Лили-Йо и Фло, вы прибыли к нам в удачный момент. Память о Тяжелом Мире, дикости и тяготах его жизни еще свежи в ваших головах. Нам нужен ваш опыт. Мы обращаемся к вам с просьбой вернуться обратно на Тяжелый Мир и принять участие в исполнении нашего плана.

– Мы должны будем вернуться? – вздохнула от удивления Фло.

– Да. Мы собираемся вторгнуться в дремучую жизнь Тяжелого Мира. И вы должны будете помочь нам вести наши силы.

Глава шестая

Долгий полдень бесконечности близился к завершению и нескончаемая золотая нить дороги этого полдня наконец клонилась к еще более нескончаемой ночи. Движение продолжалось, движение ровное и не отмеченное событиями – за исключением совершенно малозначительных, хотя возможно и представляющихся важными для тех существ, которые волей случая оказались в них вовлеченными.

Для Лили-Йо, Фло и мужчины Харриса новая жизнь была переполнена событиями. Главным было то, что они наконец научились хорошо летать.

Боль в их телах от новообразовавшихся крыльев, как только связующие мышцы окрепли, вскоре ушла совсем. Парить в воздухе, преодолевая слабую тяжесть, было неизъяснимым блаженством – ничего похожего на уродливые потуги летучих людей летать в Тяжелом Мире здесь не было и в помине.

Они научились летать стаяй, потом научились стаяй охотиться. К тому времени их полностью посвятили в Великий План Узников завоевания Тяжелого Мира. Одним из этапов этого плана было специальное обучение.

Счастливые стечения обстоятельств, благодаря которым люди впервые сумели добраться до Луны в скорлупе огнелинза, по мере того как один миллион прошедших лет сменялся другим, накапливались во множестве. Эволюция позволила людям Истинного Мира развиваться и как следует адаптироваться к среде своего нового обитания. Смертность от несчастных случаев неуклонно снижалась, в то время как сила, опыт и знания накапливались и росли. Все это происходило на фоне все ухудшающихся условий существования на Тяжелом Мире, которые становились все более и более невыносимыми для всех форм жизни, кроме растительной.

Довольно скоро Лили-Йо стало ясно, насколько легче протекает жизнь в этом новом мире. Вместе с Фло, Харрисом и еще дюжиной других она с аппетитом жевала сырный мох, когда от Узников пришел приказ собираться в дорогу к Тяжелому Миру.

Непросто было выразить все те чувства, что обуяли ее.

– Здесь, в Истинном Мире, мы живем без страха, – проговорила она, обводя рукой плодородный лунный пейзаж, раскинувшийся под серебристой сетью нитей небесных странников.

– Нам не угрожает ничего, кроме тигромух, – подала в ответ голос Фло.

Они выбрали для еды и отдыха возвышенную площадку, где воздух был разрежен и куда не смогли взобраться даже гигантские вьюны. Завитки зелени скручивались где-то внизу под их ногами, сливаясь в однородную массу, при взгляде на которую можно было подумать, что ты снова вернулся на Землю – единственное отличие заключалось в том, что зелень здесь была невысокая и тут и там сквозь нее прорывались кольцевые скальные пики.

– Здешний мир невелик, – продолжила Лили-Йо, предпринимая новую попытку рассказать Фло то, что творится у нее сейчас в голове. – И здесь мы стали больше. Нам не нужно ни с кем сражаться.

– Вскоре нам опять придется драться.

– Но мы всегда сможем вернуться обратно. Это место – добрый край, здесь у нас почти нет сильных врагов. Наше племя живет здесь не зная страха. Вэгги, Той, Грину и остальным наверняка понравилось бы здесь.

– Они будут тосковать по деревьям.

– Но мы смогли позабыть деревья, так же позабудут и они. Вместо того нам даны теперь крылья. Ко всему можно привыкнуть.

Этот неторопливый разговор на сытый желудок происходил в недвижимой тени скалы. Над головой, серебряными дирижаблями на фоне пурпура неба, медленно перемещались странники, пробираясь по своей сети, лишь в редких случаях опускаясь к зелени глубоко внизу. Наблюдая за этими небесными существами, Лили-Йо думала о великом плане Узников, о том, что скоро механизм этого плана будет приведен в действие, мысленно рисуя живые картины возможного происходящего.

Да, Узники действительно обладали Знанием. Они знали толк в логике и умели видеть вперед так, как не умела она, Лили-Йо. Прежде она и все, кто окружал ее, жили подобно растениям, имея дело лишь с тем, что попадалось на жизненном пути. Узники были далеки от растений, много выше их. Накрепко заточенные в своей пещере, они видели гораздо дальше, чем можно было увидеть просто выглянув наружу.

Вот что узрели Узники. Они видели то, что люди, добравшиеся до истинного Мира, в лучшем случае могли родить лишь нескольких детей, во-первых, потому что они были уже не слишком молоды, а во-вторых, потому что жесткие космические лучи, благодаря которым у них вырастали крылья, по большей части убивали их семя. Истинный Мир был добрым миром, но жизнь здесь обещала сделаться еще лучше, если на Луне появится больше людей. И единственным способом повысить населенность Луны было доставить сюда детей и младенцев из Тяжелого Мира, с Земли.

И это было проделано, бесчисленное количество раз. Самые храбрые из летучих людей отправлялись на Тяжелый Мир, для того чтобы похитить там детей. Группа летучих людей, напавшая на племя Лили-Йо на его пути к Вершинам, исполняла именно эту миссию. Им удалось похитить Бэйн и отправить ее в скорлупе огнелинза на Истинный Мир – о том, что случилось с несчастной девочкой и с группой похитителей, так до сих пор и не было известно.

Двойное путешествие между мирами ставило смельчакам много трудных преград и опасностей. Многие отправлялись в путь, считанные единицы возвращались обратно.

Но теперь Узники придумали гораздо более надежный и эффективный путь.

– Смотрите, вот садится странник. – Бенд Эппа Бонди толкнул Лили-Йо локтем в бок. – Приготовьтесь, сейчас начнем.

Во главе дюжины молодых и сильных летучих, избранных для исполнения плана, он двинулся к краю утеса, чтобы устремился к месту посадки странника. Эппа Бонди был и оставался признанным вожаком. Лили-Йо, Фло и Харрис составляли его группу приближенных советников, а кроме них в отряде было еще восемь человек, трое мужчин и пятеро женщин. Только один из них, сам Бенд Эппа Бонди, был принесен из Тяжелого Мира мальчиком и повзрослел на Луне. Все остальные прибыли как Лили-Йо, Фло и Харрис на лапах странников.

Они медленно приблизились к краю утеса, разминая свои крылья. Момент великого свершения близился. Они почти не чувствовали страха; лишенные дара логического предвидения, которым обладали Узники, они не могли узреть будущее, разве что за исключением Лили-Йо и Эппа Бонди. Свою волю Лили-Йо укрепляла словами «Таков Путь», которые повторяла очень часто. Расправив широко свои крылья, они сорвались с утеса и понеслись навстречу страннику.

Странник питался.

Совсем недавно он поймал в сеть своего самого главного врага, тигромуху, и высасывал из нее питательные соки до тех пор, пока от насекомого не осталась одна только сухая оболочка. После этого странник опустился в кущи зарослей пшеницы, с треском подминая их своим гигантским телом. Оказавшись на зеленой подстилке, странник начал неторопливо устраиваться, приготавливая к почкованию; совсем скоро его ожидал обратный подъем к великой темной пропасти, разделяющей соседние миры, куда его манил чистый солнечный жар и излучение. Странник был рожден в Истинном Мире. До сих пор ему еще ни разу

не доводилось совершить это желанное и пугающее путешествие к иному, столь манящему соседнему миру.

Созревшие почки на спине странника поднялись и набухли, потом лопнули, их содержимое упало на почву и торопливо разбежалось по сторонам, чтобы зарыться в плодородный слой, где в течение следующей тысячи лет им предстояло расти и созревать в мире и покое.

Пребывая еще в довольно юном возрасте, странник между тем был уже заражен. Его главные недруги, тигромухи, уже сумели пробраться в недра его организма, хоть этого он еще и не сознавал. Его невероятных размеров тело обладало весьма малой чувствительностью.

Плавнo скользя в воздухе, люди опустилиcь на просторную спину странника, в место, расположенное как можно дальше от кластерных групп зрительных органов растительного существа. Они укрылись среди жесткой, высотой по плечи, поверхностной поросли странника, являющейся его щетиной, и огляделись по сторонам. Вокруг царила тишина и покой, словно бы они находились на склоне небольшого пустынного холма.

Немного переждав, они выстроились в цепочку и двинулись вперед, опустив вниз головы и внимательно смотря себе под ноги. Эппа Бонди с одной стороны цепочки, Лили-Йо с другой. Огромное тело было сплошь покрыто пятнами, глубокими язвинами и шрамами, мешавшими продвижению. Щетина, растущая на теле странника, имела различную густоту и форму, отличалась расцветкой, становилась то зеленой, то желтой, то серой, пятная спину странника, при виде с высоты образуя на его спине естественный защитный камуфляж. Тут и там на теле растительного насекомого встречались укоренившиеся растительные же паразиты, вытягивающие необходимые для своего роста питательные соки из тела своего хозяина; большей их части суждено было погибнуть, как только странник впервые выберется в безвоздушное пространство между двумя мирами.

Задача, поставленная перед собой людьми, была не из легких. Не раз и не два, как только странник начинал шевелиться, они ничком бросались вниз и замирали. Они приближались к боку существа и крутизна склона возрастала, отчего их продвижение замедлялось и становилось еще более затрудненным.

– Нашла! – крикнула одна из женщин, Ю Койин.

В конце концов им повезло и они разыскали то, что так стремились найти, отыскать то, что поставили им Узники первойшей задачей.

С ножами наготове они столпились вокруг Ю Койин, в месте, где поросль на спине странника была изъедена и примята, где на теле существа имелся круг шириной не менее длины человеческого тела. Лили-Йо опустилась на колени и попробовала круг своим ножом. Поверхность круга была невероятно твердой.

Ло Джинт опустился рядом с ней и приложил к кругу ухо. Изнутри не доносилось ни звука.

Они переглянулись.

Никто не подал им сигнала, потому что в сигнале не было нужды.

Вместе они присели вокруг круга, пронзили ножами его гладкую твердую поверхность. Странник снова пошевелился, и они замерли, затаившись. Неподалеку от них на теле странника вздулась новая почка, напряглась и лопнула, из разорвавшейся шелухи вниз покатилась личинка и упала на невидимую внизу почву. Этой личинке не повезло и она не смогла уйти далеко – ее сожрал острошип. Немного погодя люди снова начали трудиться над круглым наростом на теле странника.

Мало помалу нарост зашевелился. Наконец им удалось приподнять и оторвать круг. Под наростом им открылся узкий и темный проход, уходящий вертикально вниз.

– Я пойду первым, – проговорил Эппа Бонди.

Медленно и осторожно он опустилсЯ в лаз. Остальные пролезли следом. Над их головами небо стянулось до размеров синего круга, уменьшающегося по мере того, как двенадцать человек продвигались в глубь тоннеля. Как только последний из них опустилсЯ вниз, крышка-нарост была сдвинута на место. Лишь только очутившись на своем месте, нарост с мягким сосущим звуком снова принялся намертво закрепляться.

Сгрудившись неподалеку от входа, они некоторое время провели в неподвижности, ожидая и прислушиваясь, чувствуя как живая плоть тоннеля пульсирует вокруг них. Они сидели тесно прижавшись друг к другу, с ножами наготове, по возможности плотно сложив крылья, чувствуя, как колотятся у них в груди их человеческие сердца.

Они очутились на вражеской территории, в прямом и в переносном смысле. В лучшие времена странники волей случая иногда становились их союзниками; во всех остальных случаях они готовы были сожрать зазевавшегося человека, как и любую другую живую плоть. Однако этот тоннель был проделан в теле странника их полосатыми врагами, желто-черными тигромухами. Одно из последних семейств настоящих насекомых, по прихоти судьбы выживших, жизнестойких и упрямых, тигромухи инстинктивно избрали в качестве своей жертвы самое неприхотливое и живучее существо во всем мире.

Сумев опуститься на спину странника, тигромуха прогрызла в нем глубокий тоннель. Когда тоннель в теле странника достиг достаточной длины, она устроила в его конце родильную камеру, парализовав и омертвив ее живые стенки своим ядом, с тем чтобы плоть не срослась вновь. Здесь тигромуха отложила свои яйца, после чего вернулась обратно к свету. Как только яйца созреют, у выведшихся из них личинок всегда будет вдоволь свежего корма, чтобы тут расти и развиваться в полной безопасности.

После долгого периода ожидания, Эппа Бонди сделал знак, и группа двинулась по тоннелю дальше, спускаясь по крутому склону. От стен лилось слабое люминесцентное свечение, благодаря чему они могли различать дорогу. Густой и спертый, но все же пригодный для дыхания воздух наполнял их легкие с каждым вдохом. Медленно и очень осторожно они продвигались все дальше и дальше вперед – до тех пор, пока их уши не уловили где-то впереди звуки чужого движения.

Внезапно на них бросился движущийся объект.

– Осторожно! – выкрикнул Эппа Бонди.

Нечто, вынырнув из кромешной устрашающей тьмы, стремительно надвигалось на них.

Прежде чем люди успели что-то сообразить, тоннель расширился и они оказались в родильной камере. Вокруг была разбросана скорлупа яиц тигромух. Гигантские личинки, в страхе обернувшись к пришельцам, в ярости грозно щелкали острыми челюстями шириной не менее разведенных в стороны человеческих рук. Личинкам не было числа.

Одним единственным взмахом ножа Эппа Бонди рассек мягкое тело напавшей на него личинки, однако следующей личинке удалось начисто откусить ему голову. Вожак упал, но идущие за ним люди с оружием в руках вступили во тьме в бой над его телом. Неуклонно наступая, они умело уворачивались от острых щелкающих челюстей.

Голова личинки была твердой как камень, но тело позади этой головы было мягким и незащищенным. Личинки сражались отчаянно, но не имели представления о том, как сражаться. Люди нападали сплоченной группой, наносили точные разящие удары, отступали и уворачивались, потом удары повторялись вновь. Больше потерь среди людей не было. Прижавшись спиной к стене, люди резали и кололи, отсекая головы, вспарывая вздутые животы. Бойня продолжалась безостановочно, движимая не ненавистью, но и не останавливаемая милосердием, и так длилось до тех пор, пока одиннадцать человек не оказались по колено в

месиве личиночных тел. Личинки продолжали нападать, бесполезно щелкать челюстями и умирать. С довольным рычанием, Харрис заколол последнюю личинку.

Испытывая смертельную усталость, люди заползли обратно в темный тоннель, где выждали, пока не стечет и подсохнет жижа – после чего первый этап плана был успешно завершен.

Странник пошевелился в своей постели из мягких злаков. Смутные едва различимые импульсы пронизали его существо. Завершилось то, что должно было быть завершено. Приближалась пора того, что еще предстояло совершить. То, что должно было свершиться, успешно свершилось, а тому, чему еще предстояло произойти, наступала пора. Извергнув облако кислорода, странник поднялся над поверхностью.

Двигаясь поначалу медленно, перебирая лапами, он принялся ползти вверх по своей нити, выбравшись наконец в разветвленную сеть того района, где воздух становился особенно разреженным. Здесь странник, как обычно, и как случалось всегда в течение бесконечного этого полудня, делал остановку. Казалось, что эта задержка бессмысленна, ибо ее нельзя было объяснить ничем. Воздух стал ничем, в то время как тепло было всем, тепло и жар, пробивающийся и неуклонно манящий, и нежно припекающий, и приятно облегающий тело своим покрывалом, опускающимся с невероятных высот.

Из прядильных желез странника начала извергаться свежая нить. Набирая скорость и разгоняясь в своем движении, растительное существо принялось уносить свое могучее тело от тех мест, где летали отвратительные тигромухи. Впереди него, в невероятной дали, висел полукруг света, белесый, голубой с зеленым, навстречу к которому сейчас имело смысл поторопиться.

Для юного странника теперь это место было единственным приютом его одиночества, частично ярко-светящимся и наполовину затемненным смыслом его существования, лишенным каких-либо объяснений и при этом неудержимо манящим. По мере продвижения лишь совершай равномерные повороты, чтобы солнце прожаривало в равной степени со всех сторон... и ничего не будет беспокоить здесь...

...За исключением небольшой группки людей, скрывшихся глубоко в теле и преследующих свою собственную, сложную и далекую от понимания примитивными чувствами странника цель. Ничего не зная об этом, существо несло людей в толще своей спины к далекому миру, коий когда-то – невероятное количество несчетных веков назад – целиком находился под владычеством этого пришедшего теперь в упадок вида животных.

Глава седьмая

Необъятный Лес почти полностью охватила тишина, хозяйка и владычица этих мест.

Тишина казалась настолько же тяжелой и массивной, как и бескрайняя зеленая листовенная масса, покрывающая собой все пространство на дневной стороне планеты. Тишина сгустилась в течение миллионов и миллионов лет, спрессовываясь слоями по мере того, как сияние солнца в небесах, завершающего первую фазу своего умирания, набирало силу. Нельзя было сказать, что эта невероятной глубины тишина олицетворяла собой полное отсутствие жизни. Жизнь повсюду бурлила могучим ключом, жизнь жадная до существования и стойкая. Однако резкий скачок солнечной радиации привел к вымиранию большинства животного мира, в результате чего триумф и победа растительных форм оказались несколько подпорченными. Везде во всем мире тысячи и тысячи разнообразных растительных форм теперь правили свой бал. А у растений нет голосов.

Новое племя, вождем которого стала Той, медленно и осторожно передвигалось среди массы малых ветвей, почти не нарушая величественную тишину. Пока они не стали спускаться с Вершин в сумеречные срединные слои, оставшись там, где царила смена света и тени пятнающих поочередно их зеленую кожу. Постоянно в напряжении ожидая появления опасности, племя продвигалось вперед со всей возможной осмотрительностью. Вперед их вел страх, задавая и направление и цель, при том что сознательно они не ощущали своей цели. Передвижение создавало для них иллюзорное ощущение безопасности, в котором они сильно нуждались и потому они не останавливались ни на миг.

Появившийся в ветвях белесый язык заставил их замереть.

Медленно рывками спустившись вдоль ствола и укрываясь в его тени, язык свесился слева от них. Беззвучно он продолжал свое проникновение вниз, от Вершин, откуда держал путь, к темноте далекой Почвы, поразительно правильно-цилиндрический, похожий на змею, явно плотный по составу и совершенно голый и блестящий. На глазах у пораженных людей племени, кончик языка скользнул сквозь листву ко мраку внизу.

– Птица-липучка! – возбужденно шепнула Той остальным. Хотя ее лидерство носило еще неуверенный характер, большинство детей – по сути, все, кроме Грина – теперь столпились возле нее, ища защиты, и после того, как язык двинулся дальше, не обращая на них внимания, тревожно продолжали оглядываться по сторонам и высматривая опасность среди листвы леса.

– Она страшная? – спросила Фей. Фей было всего пять, она была самой маленькой в племени.

– Мы убьем ее, – отозвался Вэгги, мальчик.

Отважно, он подпрыгнул вверх и схватился за растущий над его головой сук, так что его душа загремела.

– Я знаю как убить птицу-липучку и убью ее!

– Я убью птицу, – твердо ответила Той, сильной волей восстанавливая свою позицию вождя племени. Она вышла вперед, на ходу разматывая укрепленную на поясе веревку из тонкой и гибкой лианы.

Остальные с тревогой и испугом следили за действиями Той, не до конца еще уверенные в ее мастерстве. Большинство уже имело вполне взрослый вид, пусть еще и юный – их плечи были широки, на руках бугрились мышцы, длинные пальцы были цепкими. Среди них было трое мужчин – что было щедрым подарком судьбы: сметливый Грин, самоуверенный Вэгги и молчаливый Поас. Из всей троицы самым старшим был Грин. Именно он теперь вышел вперед.

– Я тоже знаю, как убить птицу-липучку, – сказал от Той, провожая глазами длинную трубочку белесого языка, извивающийся кончик которого все еще можно было заметить внизу среди ветвей.

– Я пойду с тобой, Той, и прикрою тебя и помогу тебе. Тебе будет трудно одной.

Обернувшись к Грину, Той улыбнулась ему, потому что он был очень красив и потому что в один прекрасный день она обязательно спарится с ним. Потом она нахмурилась, потому что это она была вождем племени.

– Грин, ты теперь наш мужчина. Прикасаться к тебе запрещено табу, за исключением сезона спаривания. Я поймаю птицу в ловушку. После этого мы все поднимемся к Вершинам, вместе уьем птицу и съедем ее. Устроим великий пир и отпразднуем то, что нашим вождем теперь стала я.

Их глаза встретились и они взглянули друг на друга с вызовом. Точно так же, как Той еще не освоилась со своей новой ролью полновластного вождя, так же не освоил, не вжился и не понял Грин (и это понимание было самой тяжелой стороной всего дела) свою роль вечного бунтовщика. Он не был согласен с планом Той, но сделал над собой усилие, подавив в себе стремление спорить и возражать. Он отступил назад, присоединившись к остальным, нервно теребя висящую на поясе душу, этот маленький примитивный образ самого себя, вырезанный из твердого дерева и придающий уверенность в трудную минуту.

– Делай как хочешь, – пробормотал он, но к тому времени Той уже повернулась, чтобы идти наверх.

Птица-липучка сидела на самых верхних ветвях. Будучи по сути своей растением, птица не отличалась сообразительностью и вниманием и обладала лишь зачаточной рудиментарной нервной системой. То, чего недоставало у нее в этом отношении, компенсировалось с другой стороны размерами тела и невероятной живучестью.

Представляя собой по сути дела крылатое семя, птица-липучка никогда не складывала своих крыльев. Эти вечно распахнутые плоскости отличались малой подвижностью, однако их размах в несколько сотен метров, а кроме того покрывающие их миллионы чувствительных чешуек-рецепторов, превращали птицу-растение в мастера планирования и парения, позволяя ей тонко подмечать и использовать все малейшие изменения в направлении и силе теплых ветровых потоков, дующих в оранжерейном мире обычно с неизменной интенсивностью.

Усевшись на ветвях Вершин, птица-липучка выпускала из специальной сумки свой язык, целью которого становился поиск питательных веществ, в основной массе таящихся в срединных слоях Леса и в его Почве. В то время как язык занимался сбором пропитания, из кончиков крыльев птица-липучка высевала семена.

Извиваясь среди бесчисленных ветвей Леса, язык птицы-липучки, снабженный многочисленными чувствительными рецепторами, старательно избегал всяких встречных опасностей, таящихся в этом сумеречном регионе. Умело и ловко он избежал встречи с ядовитыми лишайниками и хищными грибами. В конце концов язык достиг Почвы, жирной и тучной, полной перегноя и питательных веществ. Оказавшись на Почве, язык принялся старательно в нее внедряться. Потом начал поглощать пищу.

– Можно начинать! – прошептала Той. Чувствуя себя в роли полноценного лидера, ведущего за собой остальных, она испытывала невероятный подъем. – Всем молчать!

Она привязала свою веревку к ножу. Затем она завязала вокруг толстого белесого языка птицы-липучки прочный узел, после чего вонзила нож в ствол дерева, таким образом завершив приготовления. По прошествии некоторого времени язык под узлом распух от скопившейся там высосанной снизу из Почвы пищи, от чего узел стал еще более крепким. Птица-липучка, еще не осознающая этого, больше никуда не могла улететь, оказавшись в ловушке, устроенной для нее человеком.

– Ты хорошо все придумала! – восхищенно воскликнула Поли. Поли была ближайшей подругой Той и повторяла за ней все, что только подмечала.

– Быстрее, взбирайтесь на Вершины! – крикнула Той. – Мы должны убить птицу сейчас, пока она не может вырваться.

Все начали взбираться по близлежащему стволу, чтобы быстрее добраться до птицы-липучки – все, за исключением Грина. Вовсе не будучи упрямым по природе, он знал гораздо более легкие пути для того чтобы взбираться вверх и опускаться вниз. Повторив то, чему он научился у старших своего племени, у Лили-Йо и мужчины Харриса, он свистнул углом рта, сложив по-особому губы.

– Давай, Грин! – позвал его Поас.

В ответ Грин отрицательно покачал головой. Видя это, Поас пожал плечами и принялся карабкаться по ветвям вслед за остальными.

По команде Грина, ловко лавируя среди листвы, вниз к нему спланировал глупыш. Его лопасти кружились, на кончике каждой спицы летательного зонтика висело причудливой формы семя.

Взобравшись на глупыша, Грин уселся на его стержне и просвистел инструкции. Повинуясь приказу, глупыш мягко поднял Грина вверх, так что он оказался на Вершинах примерно в одно время с остальными, бодрый и свежий, в то время как все другие задыхались от усталости.

– Тебе не следовало этого делать, – гневно обратилась к нему Той. – Ты подверг себя опасности.

– Но никто меня не съел, – весело отозвался Грин. Однако внезапный холодок пробежал по его спине, так как он знал, что Той была права. Взбираться по ветвям дерева было тяжело, но гораздо более безопасно, чем лететь по воздуху на глупыше. Подниматься по воздуху мимо ветвей и среди листвы, где скрывались злобные создания, которые в любое мгновение могли напасть и молниеносно утащить свою жертву в свое лиственное логово, было смертельно рискованно, хотя и требовало меньше труда. Как бы там ни было, сию минуту он находился в безопасности. И скоро он докажет остальным, на что способен, и продемонстрирует свой ум.

Цилиндрический белесый язык птицы-липучки продолжал пульсировать неподалеку от них. Сама птица сидела на ветвях прямо у них над головами, всю тараща свои огромные бессмысленные глаза и высматривая подбирающихся врагов. У птицы-липучки не было головы. Между широко раскинутыми в стороны крыльями висел тяжелый мешок ее тела, с множественными початочными выростами глаз в передней части и наростами семенных початков на животе; прямо между грубыми лапами имелся наибольший вырост, из которого свешивался язык-присоска. Разделив свои силы, Той вместе с остальными членами племени напали на огромную птицу-липучку одновременно с разных сторон.

– Убьем ее! – воинственно кричала Той. – Быстрее, бейте и колите ее ножами! Торопитесь, пока она не опомнилась!

Они попрыгали на спину птицы из засады на самых высоких ветвях, вскрикивая от восторга так пронзительно, что услышь это Лили-Йо, она наверняка бы задала им трепку.

Тело птицы-липучки напряглось, ее крылья затрепетали от страха. Восемь человек – все, за исключением Грина – спрыгнули на покрытую перьевой листвой спину птицы, глубоко вонзив в нее ножи, с тем чтобы как можно скорее поразить рудиментарную нервную систему существа. Оказалось, что среди лиственного оперения птицы-липучки кроется новая опасность. Разбуженная от своей дремы, из-под перьев птицы выбралась тигромуха и оказалась нос к носу с Поасом.

Представ перед врагом почти такого же, как он сам, размера, мальчик вскрикнул от ужаса и отпрянул. На Земле этих дней, сонно пробирающейся сквозь преддверие заката

своего существования, выжило, пускай и в ужасно мутированном виде, только несколько семейств нерастительных живых существ, и тигромухи были среди них самыми опасными.

Вэгги бросился на помощь своему другу. Слишком поздно! Споткнувшись, Поас упал на спину: бросившись вперед, тигромуха навалилась на него. Ее защищенное круговыми хитиновыми дугами брюшко выгнулось, в воздухе блеснуло острейшее жало, мгновенно вонзившееся в незащищенный живот Поаса. Крепко схватив свою парализованную жертву лапами, громко жужжа крыльями, муха поднялась в воздух и устремилась прочь. В бессилии Вэгги метнул вслед мухе нож.

На обсуждение этой трагедии не было потрачено ни единого мгновения.

Как только растительный эквивалент боли достиг нервных центров птицы-липучки, она рванулась вверх, пытаясь взлететь. Все, что удерживало птицу, был тугой узел Той, да и тот в любой миг грозил развязаться.

Скорчившись за листвой неподалеку от птицы, Грин услышал крик Поаса и понял, что произошло что-то страшное. Он увидел, как мохнатое тело растительного крылатого начало биться, как заскрипели, вздымаясь в своих суставах, его крылья, бесполезно загребающие воздух. Сверху на него посыпались ветки и сучки, захрустели, ломаясь, толстые ветви, полетела листва. Сук, на котором сидел он, опасно закачался.

Сознание Грина затопила паника. Все, о чем он мог теперь думать, это то, что птица-липучка может улететь и что для того, чтобы этого не случилось, ее необходимо как можно скорее убить. Совершив непоправимую ошибку, он с силой вонзил нож в язык птицы, привязанный к стволу дерева и извивающийся, тщетно силясь вырваться.

Он бил язык ножом снова и снова. В белесом живом шланге появилась прореха, откуда прямо на Грина хлынула земля и перегной, поднятые от самой Почвы и предназначенные для питания птицы. Прореха расширилась и птица-липучка над головой Грина конвульсивно забила крыльями.

Похолодев от страха, Грин понял, что он наделал. Подпрыгнув вверх, он схватился за один из початочных выростов дергающейся птицы и повис на нем. Нет ничего хуже того, чтобы остаться одному в гуще Леса – где он мог блуждать половину своей жизни без всякой надежды встретить другое племя людей.

Птица-липучка в отчаянии рвалась, пытаясь освободиться. Рывки птицы увеличили прореху в языке, начало которой положил Грин, потом прореха с треском разошлась и язык оборвался. Освободившись наконец, птица-липучка поднялась в воздух.

Вне себя от смертельного ужаса, цепляясь за листовное оперение птицы, Грин взобрался на ее широкую спину, где сидели, тесно прижавшись друг к другу, семь его соплеменников. Он присоединился к ним без единого слова.

Птица-липучка взмыла в ослепительное небо. В небесах сверкало солнце, медленно наращивающее свою силу в ожидании последнего дня, когда наступит пора обратиться в сверхновую и сжечь тем самым и себя и свои планеты. Внизу под животом птицы-липучки, парящей в воздухе наподобие семечка платана, которое она по большому счету и напоминала, расстилалось бесконечное море зелени, поднимающееся и вздымающееся безостановочно вверх, подобно кипящему молоку, в сторону источника своей жизненной силы.

Первой голос подала Той.

– Убьем птицу! – крикнула она племени, поднявшись на колени и вскинув в воздух нож. – Убьем ее как можно скорее! Разрубим ее на куски. Убьем ее, иначе нам никогда больше не суждено будет вернуться в джунгли.

Солнце сияло бронзой на ее коже и она казалась прекрасной. Первым ударил Грин, увлеченный ее призывом. Вэгги и Мэй трудились сообща, проделывая в спине птицы большую дыру, чтобы добраться до ее глубинной мякоти, вырезая из ее тела целые огромные

куски. Ключья растительной плоти птицы-липучки летели вниз к Лесу и хищники подхватывали их в воздухе, прежде чем те успевали достигнуть деревьев.

Довольно долгое время птица-липучка ничем не проявляла признаков беспокойства и летела вперед словно ни в чем ни бывало. Прежде чем птица хоть как-то забеспокоилась, люди начали выбиваться из сил. Но даже примитивная нервная система имеет предел чувствительности и выносливости; когда спина птицы-липучки была сплошь залита соком, текущим из многочисленных ран на ее теле, мерные взмахи ее широких крыльев наконец сбились и гигантское крылатое тело качнулось вниз.

– Той! Той! Ожившие тени, гляди что впереди! – крикнула Дрифф.

Вскинув руку, она указала туда, на широкую сверкающую гладь, в сторону которой падала птица.

Ни один из них до сих пор, конечно же, никогда не видел моря; интуиция и наследственная память о возможных опасностях, которыми была богата родная планета, подсказали им, что они движутся к великой беде.

Навстречу им поднялась и раскинулась вширь прибрежная полоса – где происходила самая, может быть, беспощадная и смертоносная борьба за выживание: в том месте, где существа моря встречались с порождениями суши.

Цепляясь за листовое оперение птицы, Грин пробрался туда, где лежали рядом Той и Поили. Понимая, что вина за то, в каком положении они оказались, в основном лежит на нем, он искал способа оказаться полезным.

– Мы можем свистнуть глупышам и они опустят нас вниз, – предложил он. – Глупыши отнесут нас домой, в безопасное место.

– Отличная идея, Грин, – ободряюще отозвалась Поили, но во взгляде Той не было одобрения.

– Попытайся позвать глупыша, если у тебя получится, Грин, – сказала она.

Он действительно попытался свистнуть, отчаянно искривив для этого лицо, но сам не услышал своего свиста. Несущийся мимо него ветер унес свист прочь. Кроме того, они находились слишком высоко и семена свистунов сюда не залетали. Нахмурившись, Грин замолчал, отвернувшись от остальных, и принялся глядеть в ту сторону, куда они стремились.

– Я думала, что из этого может выйти какой-нибудь толк, – сказала Той Поили.

«Она дура», подумал про себя Грин, и решил не слушать этот разговор.

Птица-липучка начала снижаться медленней; растительное крылатое попало в восходящий теплый поток и теперь парило в нем, почти не шевеля крыльями. Слабые и запоздалые попытки повернуть в глубь материка привели к тому, что направление полета птицы определилось вдоль прибрежной полосы, в результате чего людям представилась удобная возможность как следует рассмотреть то, что ожидало их внизу в этих местах.

Здесь царило высочайше и сложнее организованное умерщвление одних живых существ другими, битва противостоящих сторон без видимого конца и края, продолжающаяся в течение вот уже многих бесчисленных миллионов лет. Хотя, возможно, одна из сторон все же одерживала победу, поскольку суша внизу была сплошь завалена сухими мертвыми стволами деревьев, среди которых наблюдалось еще больше молодой разнообразной поросли, которая безудержно продвигалась вперед и в стороны, поглощая все на своем пути, от опушки баньяновой чащи до самых океанских волн. Все, чему не удавалось вовремя войти в рост, было обречено на голодную смерть, ибо врага первым делом необходимо было опередить в росте. Растительность захватывала собой весь континент, насколько это позволял терминатор, разделяющий планету на дневную и ночную половины; здесь застыло время безостановочного состязания, и поскольку разнообразие и объем растительности были велики, завершения этому состязанию совершенно не предвиделось; единственное, что невозможно

было завоевать и подмять под себя, было море. Перед непрерывным прибоем останавливались и отступали назад в бессилии даже самые могучие и изощренные в междоусобной борьбе растения.

Тут, среди бесплодных скал и камней, песков и прибрежных болот, те растительные виды, что оказались вытесненными и поглощенными великим баньяном, сумели, наконец, найти для себя скудное прибежище. Прибрежная полоса стала их неласковым домом. Истощенные, карликовые, мутировавшие, выродившиеся и побежденные, они росли здесь как могли. То место, где укоренились эти отверженные, звалось Безлюдьем, потому что на этом поле битвы, где встречались две противоборствующие стороны, стихии воды и суши, людям не было места.

Со стороны суши здешним растениям противостояла молчаливая стена Леса. С другой стороны их встречали во всеоружии разновидности хищной ядовитой морской травы и водорослей, а также других водяных растительных обитателей, которые не знали ни пощады, ни удержу в своей воинственности.

И над всем этим, надо всей этой безостановочной драмой, вверху сияло солнце.

Птица-липучка опустилась совсем низко, настолько, что людского слуха начал достигать плеск и шорох водорослей на прибрежной полосе. Они сбились в тесную кучку и, беспомощные, принялись дожидаться того, что случится дальше.

Птица-липучка падала все быстрее и быстрее, заваливаясь на одно крыло. Ее начало относить в море, по краям которого, выше полосы прилива, росла густая полоса самых сильных воинов суши. С трудом развернувшись, птица выправила свой полет и устремила к узкому каменистому полуострову, далеко выступающему в море.

– Смотрите! Там, внизу, какая-то гора! – закричала Той.

Птица держала путь к странной горе, стоящей на самом конце полуострова-мыса, острой и наклоненной, казалось, под немыслимым углом. Падение птицы-липучки стало еще более крутым и стремительным. Они летели прямо к горе и неминуемо должны были врезаться в нее. Но в конце концов умирающее летучее растение, видимо, заметило свободную от растений площадку у подножия горы, разобрав, что в ближайшей округе это единственное чистое и безопасное место, и теперь из последних сил тянуло туда.

Однако неповоротливые крылья, похожие теперь на старые паруса, только мешали птице удерживать направление полета. Массивное тело птицы неловко падало вниз, и навстречу им несло Безлюдье и море, а также странная гора на самом конце узкого полуострова и скалы на нем.

– Держитесь крепче! – что есть силы закричал Вэгги.

В следующий миг птица-липучка налетела одним крылом на странную гору, и от сильнейшего удара люди кубарем покатались среди лиственного оперенья. Одно из крыльев растительной птицы раскололось и оторвалось, и липучка косо повисла на склоне горы, вцепившись в нее неловкими лапами.

Той поняла, что должно произойти в следующий миг: птица-липучка упадет на землю, неизбежно придавив собой людей. Проворная как кошка, вождь племени спрыгнула вниз и вбок со спины птицы, во впадину в виде неровного треугольника, образованную двумя скальными выступами и стеной горы. Оттуда она принялась кричать остальным, призывая их последовать ее примеру.

Один за другим ее спутники спрыгнули со спины птицы и забрались в выемку, обнаруженную Той, где можно было отдышаться и затаиться. Мэй прыгала последней. Прижав к груди свою деревянную душу, она оттолкнулась от бока птицы и оказалась рядом с остальными.

Беспомощно повиснув на краю горы, птица-липучка косила на людей своим зачаточным глазом. Той успела заметить, что от удара на прежде ровной груди птицы образовалась

длинная трещина. Потом лапы птицы разжались, и растительное крылатое, сломанным крылом вперед, заскользила вниз.

Выглянув из своего убежища, люди проследили за тем, как упала птица.

Ударившись о ровную каменистую поверхность у подножия горы, птица-липучка перевернулась один раз. Благодаря жизнестойкости своего вида, птица была еще очень далека от смерти; с трудом приподнявшись на лапах, растительное крылатое заковыляло прочь от странной горы, пьяно петляя и волоча за собой сломанное крыло.

Одно из крыльев птицы скребло по скалам полуострова, другое тащилось по слабо плещущей воде моря.

Мгновенно морская гладь ожила и из него вынырнули мощные кожистые прядищупальца морских водорослей, по всей своей длине покрытые пузырьчатыми наростами. Почти робкими, нежными движениями они начали хватать крыло птицы-липучки, стремясь оторвать его и утащить в пучину.

Поначалу медленные, полуметаргические движения водорослей быстро стали более осознанными и целенаправленными, наращивая темп. Все дальше и дальше от прибрежной полосы, по которой брела птица, море покрывалось многочисленными щупальцами, выныривающими из воды, извивающимися и беспрерывно хлещущими по волнам в бессмысленной ненависти к любой жизни, кроме своей собственной.

Чувствуя, что ее продвижение замедляется хваткой морской травы, птица-липучка попыталась свернуть вглубь суши. Однако щупальца водорослей продемонстрировали способность удлиняться и растягиваться, отчего все усилия птицы-липучки убраться на безопасное расстояние от воды привели только к еще большему буйству со стороны морского пленителя, к увеличению силы его повторных ударов.

От ударов о скалы и тело птицы-липучки некоторые из пузырьчатых наростов на щупальцах водорослей прорвались и лопнули и из них наружу вылилась напоминающая йодную настойку жидкость, брызгами полетевшая во все стороны, образуя пену и шипя при соприкосновении с воздухом.

Там, где брызги яда морских водорослей падали на тело птицы-липучки, в воздух взвивались струйки дыма.

Свою невероятную, по всей видимости, боль птица-липучка не способна была облегчить даже криком. Набрав ход, двигаясь частично прыжками, частично пытаясь взлететь, она припустилась вдоль берега полуострова, держа путь к материку и неуклонно стараясь увернуться от щупалец водорослей. От крыльев птицы-липучки в воздух поднимался коричневый дым.

В происходящее на берегу побоище втягивались все новые и новые полчища и разновидности водорослей. Набросившиеся первыми водоросли с ядовитыми пузырьчатыми наростами теперь были далеко не в большинстве. Бурление в воде прекратилось и этот сорт морской травы ушел в глубину, временно исчерпав силы своей аутотрофии.

На смену ядовитой разновидности из морских вод появилась морская трава, вооруженная шипастыми зубами. Во время этой второй атаки от тела птицы-липучки было оторвано несколько значительных кусков плоти, однако несчастное крылатое все же успело добраться до берега прежде, чем с ним успели окончательно расправиться.

Зубастая морская трава мгновенно утащила добытое в пучину. Распаленные успехом этой второй зубастой волны, из воды поднялась другая волна, торопясь урвать свое от остатков крыльев птицы-липучки. Однако за границей участка полного владычества водорослей сила их атаки уменьшалась. Водоросли могли только бессильно биться и извиваться в пенной воде. В море словно бы образовался единый огромный рот, полный миллиардов острейших зубов.

За всем этим с вершины странной скалы безмолвно наблюдали семь похолодевших от ужаса людей.

– Никогда нам больше не суждено вернуться к безопасности нашего любимого дерева, – раздались рыдания Фей. Она была самой младшей, из ее глаз полились слезы.

Водоросли получили свою добычу, но все еще были голодны, в то время как сухопутная растительность Безлюдья почуяла свою поживу. Обитающие в узкой тесной полосе между морем и джунглями Леса растения, по виду напоминающие мангровые деревья, уже решительно ступили в воду. Другие, более паразитические по природе, обитающие по соседству, свешивали в воду свои длинные жесткие сучья, имеющие форму и предназначение рыболовных снастей.

Именно эти две главные разновидности, лишь немного опередившие других, первыми попытались вырвать у своих морских недругов слепо спасающуюся бегством добычу. Из-под воды начали высовываться их искривленные корни, подобные щупальцам давно уже вымерших спрутов. Корни прибрежных деревьев попытались схватить птицу, и побоище возобновилось.

И снова прибрежная полоса ожила и закипела сражением. Сонмы шипастых и пузырчатых водорослей опять вступили в бой. Все, что было живого, с голодной жадностью извивалось и рвалось за пищей. Море покрылось пеной, немного маскирующей ужасных монстров, выбирающихся из него. Летающие существа, кожеперы и листокрылы, во множестве парили над вершинами Леса, дожидаясь своей очереди броситься в гущу схватки, чтобы в самый удобный момент урвать свой кусок.

В безумной драке птица-липучка мгновенно была разорвана на куски и забыта. Останки ее плоти покрыла собой морская пена.

Той поднялась на ноги, полная решимости.

– Нужно идти, – объявила она. – Сейчас самый удобный момент, чтобы добраться до берега.

Шесть полных агонизирующего ужаса лиц повернулось к Той, глядя на нее так, словно бы она сошла с ума.

– Мы все там погибнем, – проговорила Поили.

– Нет, – с жаром ответила Той. – *Сейчас* мы не умрем. Эти твари дерутся друг с другом и они слишком заняты, чтобы обращать на нас внимание. Потом может быть слишком поздно.

Авторитет Той не был абсолютным. Племя было не уверено в своих силах. Начался спор, и Той, прыгнув вниз, схватила Фрей и Шрии за уши. Однако ее главными оппонентами были Вэгги и Мэй.

– Нас могут убить в любой миг, – продолжил Вэгги. – Безопасного выхода нет. Разве мы не видели, что случилось там с птицей-липучкой, а она такая сильная!

– Но мы не можем оставаться здесь и умереть, – гневно ответила Той.

– Но мы можем остаться и подождать, пока что-нибудь не произойдет, – сказала Мэй. – Пожалуйста, давайте останемся!

– Ничего нового не случится, – заявила Поили, принимая сторону своей подруги Той. – Ничего, кроме плохого. Таков Путь. Нам нужно самим позаботиться друг о друге.

– Нас убьют, – упрямо повторил Вэгги.

В отчаянии Той повернулась к Грину, старшему из мальчиков.

– А ты что скажешь? – спросила она.

Грин растерянно смотрел на происходящее перед ними противоборство. Его лицо осталось напряженным, когда он повернулся и взглянул на Той.

– Ты наш вождь, Той. Те, кто хочет идти за тобой, должны идти. Таков закон.

Той поднялась.

– Поили, Вэгги, Мэй, и вы, остальные, идите за мной! Мы должны выступить теперь, когда эти твари заняты друг другом. Мы должны вернуться обратно в Лес.

Без колебаний она перекинула ноги по другую сторону высокого края расселины и съехала вниз по ее круглому склону. Неожиданная паника охватила остальных, испугавшихся того, что они могут остаться одни. Все принялись выбираться из расселины вслед за Той. Один за другим, люди принялись торопливо съезжать вниз к Той, собираясь вокруг нее у каменистого подножия.

Стопившись внизу, ужасно маленькие и слабые рядом с высокой накренившейся башней, они несколько мгновений стояли молча. Трепетный ужас овладел ими.

Окружающий их мир принял вид совершенно нереальный. Блистательное солнце сияло над их головами и суженные тени лежали у их ног наподобие грязи. Все по сторонам от них было совершенно лишено теней, что и придавало пейзажу этот почти нереальный вид. Вид мертвый, какой бывает у дурно нарисованной картины.

Прибрежная битва перед ними кипела с лихорадочной яростью. Здесь, в этом страшном месте в это поразительное время (в обычном смысле) правила лишь Природа. Природа была верховной владицей над всем и вся; казалось, что течение жизни завершается здесь тем, что Природа решила наложить проклятие на дело рук своих.

Преодолев в себе страх, Той наконец двинулась вперед.

Остальные, устремившиеся от странной горы вслед за Той, шли на подгибающихся ногах; камни под их ступнями были покрыты коричневым ядом. Под жарким солнцем яд быстро высох и стал безопасным.

Грохот битвы наполнял их уши. Из моря до них долетала пена – но сами сражающиеся растения не обращали на них совершенно никакого внимания, поглощенные яростью своей безумной междоусобицы. На поверхности моря один за другим начали подниматься столбы воды от мощных взрывов. Некоторые из деревьев Безлюдья, обреченные век за веком прозябать в узкой полосе своего существования, зарывали свои корни все глубже и глубже в бесплодные пески в поисках пропитания, в то же время всеми силами изыскивая способов защиты от неприятелей. Так ими был обнаружен уголь, так они научились вытягивать из земли серу, так они узнали как употреблять для своих целей нитрат калия. В своей глубинной корневой системе эти деревья очищали и смешивали необходимые компоненты.

Получившийся в результате ружейный порох поднимался по внутренним протокам к орехам, вырастающим на верхних сучьях деревьев. В случае опасности эти деревья умели метать свои взрывчатые снаряды в наседающие водоросли. И теперь поверхность вражеской водной обители, подвергнутая бомбардировке, усеялась столбами водяных взрывов.

План Той не был самым лучшим; возглавляемая ею вылазка увенчалась успехом скорее благодаря удаче, чем точному расчету. На одном из берегов полуострова водорослям удалось разом накрыть своей огромной массой пороховые деревья. Благодаря значительному перевесу сил деревья на этом участке были побеждены и битва ни на жизнь, а на смерть закипела вокруг них. Маленькой группке людей удалось незамеченными проскользнуть мимо и укрыться в зарослях ползучего пырея.

Только тогда они наконец заметили, что Грина с ними нет.

Глава восьмая

Вжавшись в одну из расселин скалы, Грин остался лежать под палящим солнцем.

Страх был не главной и отнюдь не единственной причиной, по которой он остался. Как он уже сказал Той, вера в то, что повиновение остальных – главный показатель силы, была крепка в нем. А он, по природе своей, всегда с большим трудом мог заставить себя повиноваться. Частью причиной здесь было именно это, тем более когда стало очевидно, что план Той дает слабую надежду на то, чтобы добраться до Леса целыми и невредимыми. А кроме того, у Грина были и собственные идеи, которые он не мог выразить быстро и убедительно имеющимися словами.

– Ну почему мы не можем толком что-либо объяснить! – повторял он самому себе. – У нас так мало слов. Наверняка когда-то слов было гораздо больше!

То, что он задумал, было связано со странной горой.

Остальное племя предавалось размышлениям в гораздо меньшей степени. Не раздумывая они устремились вслед за Той, и все их внимание было сосредоточено на происходящем вокруг сражении. Внимание всех, но только не Грина; мгновенно он уразумел, что странная гора – это вовсе не гора. То, что построило ее, обладало разумом. Существовал единственный вид живых существ, который мог воздвигнуть эту гору, и этот вид наверняка должен был знать безопасный путь к берегу.

Вот почему, убедившись, что его спутники находятся на полпути к относительной безопасности прибрежной полосы, Грин, повернувшись лицом к горе, принялся выстукивать рукояткой ножа ее каменные стены.

Поначалу то, что он делал, не приносило никакого видимого результата.

Однако чуть погодя, без всякого предупреждения, часть стены прямо над головой Грина отворилась. Он мгновенно обернулся на звук и оказался лицом к лицу с восемью термитами, появившимися из темноты.

Когда-то враги, сегодня термиты и люди воспринимали друг друга едва ли не как друзья и союзники, словно бы прошедшие миллионы лет связали их узами родства и дружбы. Теперь, когда люди стали на Земле более изгоями, чем хозяевами, они относились к насекомым как к равноправным соседям.

Окружив Грина, термиты внимательно его осмотрели, безостановочно шевеля жвалами. Он замер и все то время, пока белесые тела насекомых сновали вокруг него, стоял неподвижно. Размером термиты почти не уступали ему. Он слышал их запах, кислый, но не лишенный приятности.

Убедившись в том, что Грин не представляет собой опасности, термиты вернулись в свою нору. Грин не знал, способны ли были эти насекомые видеть в ярчайшем дневном свете, но шум моря и звуки недалекой битвы они наверняка различали, в чем Грин был совершенно уверен.

Соблюдая осторожную дистанцию, он двинулся к черному входу в пещеру следом за насекомыми. Из зияющего зева в лицо ему пахнул незнакомый прохладный запах.

Заметив, что человек тоже собирается зайти в их башню, пара термитов преградила Грину дорогу, подняв тяжелые головы на уровень его горла и закрыв острые жвала.

– Я хочу спуститься вниз, – объяснил он им. – Я попал в беду. Позвольте мне войти внутрь.

Один из термитов быстро исчез в проеме скалы. Через минуту он появился наружу в сопровождении другого термита. Грин отпрянул назад. У этого нового термита на голове имелся огромный нарост.

Нарост имел неприятный коричневый цвет проказы, пористую структуру, и на вид напоминал уменьшенную копию сотов, которые изготавливали древесные пчелы. Нарост находился прямо на лбу массивной головы термита и опускался вниз, огибая шею напоподобие толстого ошейника или воротника. Однако, несмотря на свое пугающее болезненное украшение, термит был необычайно подвижен. Он быстро протиснулся вперед, и другие термиты уступили ему дорогу. Остановившись перед Грином, насекомое словно бы внимательно осмотрело его, потом так же проворно повернулось.

Наклонившись вниз, термит принялся водить лапой по песку, словно бы пытаясь изобразить так какой-то чертеж. Несколькими грубыми и условными линиями, но довольно доходчиво он нарисовал башню и несколько в стороне от нее провел длинную тонкую линию, соединив то и другое двумя параллельными отрезками, образовавших узкую полосу. Длинная линия определенно обозначала берег, а полоса – язык полуострова.

Грин был поражен увиденным до глубины души. Никогда прежде он ничего не слышал о том, что у насекомых могут встречаться подобные способности. Он обошел рисунок кругом, чтобы получше его рассмотреть.

В свою очередь термиты расступились и следили за реакцией Грина. Было ясно, что они чего-то ожидают от него. Немного подумав, он присел на корточки и добавил к рисунку термита несколько своих штрихов. Он прочертил дорожку от вершины горы до ее основания, а потом от основания до прибрежной полосы. После чего он указал на себя.

Трудно было сказать, поняли его насекомые или нет. Вместо ответа, они повернулись и устремились обратно к своей горе. Решив, что делать нечего, Грин двинулся вслед за термитами. На этот раз никто не пытался его остановить; очевидно, его просьба была принята.

Внутри горы странный кислый запах места, незнакомого с солнечным светом, окутал его со всех сторон.

После того, как отверстие входа за ним затворилось и он очутился в полностью замкнутом пространстве, Грин испытал несколько мгновений отвратительной клаустрофобии. После сияющего солнечного света снаружи, внутри его обступила кромешная тьма.

Спуститься вниз по проходу башни не составило труда для такого ловкого и проворного парня, каким был Грин, причем спуск по большей части напоминал путешествие вниз по узкой дымовой трубе. Достигнув дна, он уже снова был уверен в себе и выпрямившись, развел в стороны руки, чтобы убедиться в просторности помещения.

По мере того, как его глаза привыкали к темноте, он начал различать слабое фосфорическое свечение, исходящее от тел термитов и придающее им призрачный вид. Внутри башни термитов было великое множество, здесь царила настоящая сутолока, происходящая в полном молчании. Подобные фантомам, насекомые целеустремленно ползли во все стороны, беззвучно целыми рядами исчезая во тьме проходов, уходящих куда-то вниз. О целях этого безудержного движения он мог только догадываться.

Двинувшись вслед за своими провожатыми, Грин постепенно достиг подножия башни, где во все стороны расстилалась ровная площадка. Как догадывался Грин, они находились немного ниже уровня моря. Воздух вокруг был влажным и тяжелым для дыхания.

Теперь рядом с Грином бежал только один термит, чью голову украшал странный нарост; другие провожатые, без малейшего приказа, в военном порядке и не оглядываясь двинулись прочь. Грин заметил странный зеленоватый свет, складывающийся словно бы из теней смешанных с флуоресцентным сиянием; поначалу он не мог определить источник этого сияния. Его провожатый двигался очень быстро, Грин едва поспевал за ним и ему некогда было оглядываться по сторонам. Тоннель, по которому они шли, был неровным и движение насекомых в нем было чрезвычайно напряженным. Термиты были всюду, их движение определенно было целенаправленным; кроме термитов встречались также и другие

создания, помельче: термиты гнали их перед собой, иногда по одному, иногда небольшими стадами.

– Пожалуйста, не так быстро, – взмолился Грин, но его провожатый и не вздумал замедлить свой ход, не обратив на его слова ни малейшего внимания.

Зеленоватый свет усилился. Сияние лилось туманным потоком отовсюду на их пути. Наконец Грин заметил, что свет проникает внутрь тоннеля сквозь тонкие слюдяные листы, выложенные по стенам созидательным гением насекомых, устроивших эти подземные проходы. Слюдяные пластины образовывали окна, смотрящие прямо в воды моря и, приглядевшись, можно было различить сквозь слюду бурную активность хищных морских водорослей.

Устройство этого подземного обиталища заворожило и поразило его. Здешние жители были столь погружены в свои собственные дела, что ни один из них за все это время даже не приблизился к нему, чтобы изучить и познакомиться. Наконец одно из существ, очевидно относящихся к проживающим здесь добровольным соседям термитов, заинтересовалось им. Четвероногое и пушистое, существо имело длинный хвост и горящие желтым огнем глаза с расширяющимися и сужающимися зрачками. Подобравшись к Грину, создание крикнуло «Мяу!» и попыталось потереться о него. Вздвогнув от страха, Грин отшатнулся от животного и прижался спиной к стене.

Пушистое животное взглянуло на него с выражением, чрезвычайно напоминающим сожаление. Потом, отвернувшись от Грина, оно направилось к термитам, этим благородным существам, теперь заботящимся о нем и кормящим его. Через некоторое время Грин встретил еще несколько таких же мяукающих пушистых созданий, некоторые из которых были почти полностью покрыты странными пористыми наростами, напоминающими грибок.

Грин и его провожатый термит добрались до места, где тоннель расходился, разделяясь на несколько меньших рукавов. Не медля ни одного мгновения, провожатый Грина выбрал один из этих тоннелей и устремился в темноту. Внезапно темноту прорезал яркий дневной свет, хлынувший в тоннель после того, как термит Грина отвалил круглый камень, закрывавший вход. Вместе они выбрались на воздух.

– Я очень благодарен тебе, – проговорил Грин, повернувшись к термиту. При этом он старался держаться как можно дальше от коричневого нароста на лбу у насекомого.

Не ответив ему ни единым жестом, термит устремился обратно во тьму тоннеля. Круглый камень был задвинут на место и вокруг все стихло.

Без лишних объяснений было ясно, что Грин оказался в самом сердце Безлюдья.

До его ноздрей доносился соленый запах недалекого моря. Он слышал приглушенный гром продолжающейся битвы между обитателями моря и суши, между водорослями и деревьями, сливающийся здесь в один непрерывный гул, медленно утихающий, ибо обе стороны исчерпали свои силы. Вокруг него в воздухе явственно ощущалось странное напряжение, незнакомое по прежней жизни в мягком климате срединных слоев Леса, где был рожден он и его собратья. Над ним продолжало сиять солнце, жар которого, проникающий сквозь слои зелени, припекал его голову.

Земля под его ногами была сырой и топкой, смесь глины, песка и гальки, с выступающими кое-где более крупными камнями. Это были бесплодные земли, и растущие на них деревья имели болезненный вид. Их стволы были искривлены, их листва пожелтела и свернулась. Многие деревья сплетались стволами в попытке поддержать друг друга; там, где опереться было не на что и попытка подняться не увенчалась успехом, деверья извивались на земле, олицетворяя собой ужасное уродство. Более того, многие виды за прошедшие бесчисленные века выработали настолько невероятные и удивительные способы самозащиты, что теперь едва ли вообще напоминали собой какие-то древесные формы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.